

MARTYRES SUB JULIANO APOSTATA I: THE REAL PLACE
OF THE MARTYRDOM OF SAINT MANUEL,
SABEL AND ISMAEL

A.V. Muravyov

Three Martyrs who underwent torture and death in 362 under Julian the Apostate are interesting in many respects. To all probability they were Christian Arabs, presumably from Tanuh tribe who were sent to deal with Julian on the eve of the Persian Campaign. Their dossier has been re-used during the ideological campaign of Theodosius II. At this time the prototype of metaphrastic Passion (BHG P24) was composed and the place of their death was transferred to Constantinople itself. Thus this fictitious Passion proves to be a result of the imperial policy in its ideological struggle against Sasanid Iran in the beginning of the 5th century.

© 2001 г.

А.И. Павловская

АФАНАСИЙ, АРХИЕПИСКОП АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ,
И ЕГО ЕПАРХИЯ

Архиепископ александрийский Афанасий вошел в историю как выдающийся церковный деятель, с его именем связана напряженная и длительная борьба с арианством по важнейшему для христианства того времени тринитарному вопросу. Сформулированное на Никейском соборе вероопределение – «догмат 318 Святых отцов», гласивший, что Бог-отец и Бог-сын единосущны (ὁμοούσιος), в отстаивании которого уже на этом соборе активно участвовал Афанасий, сопровождавший архиепископа Александра (будучи диаконом), неоднократно обсуждалось и видоизменялось на последующих церковных соборах и каждый раз в том или ином плане возникал вопрос об Афанасии, о его смещении или восстановлении на кафедре епископа Александрии. В дошедших до нас сочинениях Афанасия также важнейшее место занимает опровержение «арианской ереси» и аргументация основных положений никейских догматов. И естественно, что именно эта сторона деятельности архиепископа Афанасия, а также его роль в религиозной и политической жизни Римской империи в середине IV в. прежде всего привлекают внимание исследователей¹. Но мне хотелось бы обратить внимание на деятельность Афанасия внутри своей епархии, на обстановку внутри епархии и прежде всего в Египте (хочу предупредить читателей, что ранее я не занималась историей церкви и, естественно, могу не знать какие-то специальные исследования). Попытаюсь именно с этой точки зрения рассмотреть сохранившиеся в источниках биографические сведения об Афанасии и тот богатый материал его сочинений, который раскрывает не только его идеологические представления, но и его взаимоотношения с окружающим миром, в первую очередь – с его епархией, а также сведения о христианстве из документальных папирусов IV в.

О себе и своей жизни вне рамок церковной деятельности Афанасий практически ничего не рассказывает. Его «Житие», составленное Симеоном Метафрастом², оче-

¹ См., например: *Спаский А.* История догматических движений в эпоху вселенских соборов (в связи с философскими учениями того времени). Тринитарный вопрос. Сергиев Посад, 1914, а также обзор современной литературы в ст.: *Сидоров А.И.* Арианство в свете современных исследований. ВДИ. 1988. № 2. Сборником статей «Politique et théologie chez Athanase d'Alexandrie» (Ed. Ch. Kannengiesser. Paris, 1974) – мне познакомиться не удалось.

² О Симеоне Метафрасте см. *Попова Т.В.* Античная биография и византийская агиография // Античность и Византия. М., 1975. С. 243 слл.

видно, сложилось на основе рассказов его современников и последователей. В наиболее раннем из дошедших до нас трудов по истории христианской церкви – сочинениях Евсевия Памфила, епископа кесарийской церкви, написанных в 310–340 гг., об Афанасии нет никаких упоминаний и это, очевидно, не случайно: его отношение к Афанасию едва ли было благожелательным. Сократ Схоластик, рассказывая о детских и юношеских годах Афанасия, опирается на Руфина (Rufin. Н.Е. I. 14). Руфин, как известно, в 372–377 гг. жил в Александрии и был в дружеских отношениях с входившими в окружение Афанасия лицами. Ссылаясь на него («так в своих сочинениях Руфин говорит об Афанасии – и это не невероятно, потому что о подобных вещах рассказывают нередко» – Socr. Sch. Н.Е. I. 15), Сократ пишет³, что еще в детстве Афанасий со своими сверстниками «играл в священную игру: это было подражание священству и сословию посвященных. В сей игре Афанасий получал престол епископа, а из прочих детей каждый представлял либо пресвитера либо диакона». Проходивший мимо александрийский епископ Александр, увидев эту игру, призвал детей к себе и по их роли в игре «старался предугадать что-нибудь касательно их особенностей», он приказал их родителям водить детей в церковь и учить их, особенно же Афанасия (там же). Эти краткие сведения о молодости Афанасия, сохранившиеся в античной историографии, были в X в. пересказаны Симеоном Метафрастом в житии александрийского архиепископа и затем вошли в *Acta Sanctorum* и *Vitae Sanctorum Patrum*, а также в «Великии Минеи Чети» митрополита Макария и в «Чети Минеи» Димитрия Ростовского⁴. Опираясь на античные и византийские источники, исследователи полагают, что Афанасий родился в 293 г. в греческой христианской семье и, возможно, посещал Александрийскую дидаскалию⁵.

Детство и юность Афанасия проходили в сложной обстановке. Последнее десятилетие III и начало IV в. были очень тяжелыми для Александрии и Египта. Начавшиеся в стране с конца 270-х годов падение стоимости александрийской монеты и рост цен на хлеб⁶ прежде всего сказались на положении городского населения, возбуждая недовольство малоимущих слоев. Набеги блеммиев на южные границы Египта вызвали волнения в Копте и Бусирисе. В середине 290-х годов волнения охватили почти весь Египет, в Александрии был провозглашен императором некий Люций Домиций Домициан, а в Фиваиде возглавил восстание Ахиллевс в качестве военачальника, именовавшийся в папирусах *ἐπαυροδωτής* (= corrector). Такой титул должен был означать намерение новой власти что-то выправить, улучшить в жизни населения, а это уже позволяет заключить, что события выходили за рамки военного переворота⁷. Источники сообщают, что Диоклетиан лишь через 8 месяцев подчинил Александрию, а затем прошел до южных границ Египта, сурово наказывая повстанцев (Евтропий. IX. 22–23; Аврелий Виктор. XXXIX. 33).

Замирив Египет, Диоклетиан провел очень существенные налоговые и административные реформы: Египет был разделен на три провинции, гражданская власть отделена от военной, вырос административный аппарат, увеличился контроль за насе-

³ Ссылки в последующем тексте статьи на сочинения Евсевия Памфила и Сократа Схоластика цитируются по переводам на русский язык в изданиях: Сочинения Евсевия Памфила/Пер. с греческого при Санктпетербургской духовной академии. Т. I. СПб., 1848; Церковная история Сократа Схоластика. СПб., 1850.

⁴ См. Державин А. «Чети Минеи» святителя Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник. Ч. II // Богословские труды. 1977. XVI. С. 46–141.

⁵ См. Спасский. Ук. соч. С. 263 сл.; Флоровский Г.В. Восточные Отцы IV-го века. Р., 1990. С. 26; Горский А.В. Жизнь св. Афанасия Великого // Творения св. Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. Ч. I–IV. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902–1903 = репринтное издание Творений – Т. I. М., 1994. С. 24–25. В статье сочинения архиепископа Афанасия цитируются в переводах с греческого по изданию 1994 г.

⁶ См. Павловская А.И. Египетская хора в IV в. М., 1979.

⁷ Павловская А.И. Отражение социально-политической борьбы в Египте в частной переписке и петициях // ВДИ. 1988. № 1. С. 43–55.

лением, но особенно тяжелым бременем для населения стали налоговые реформы – введение поголовного налога и новой формы поземельного обложения: вместо традиционной практики уплаты определенной доли урожая (величина которого зависела от уровня подъема воды в Ниле во время паводка) была введена твердая квота налога – полторы артабы с царской земли и пол-артабы с частной, при этом ответственность за сбор и доставку налогов возлагалась на жителей деревни (см. р. Cairo Isidor 1 – Эдикт префекта Аристия Оптата). Это приводило в случае низкого паводка к массовой задолженности, разорению, бегству земледельцев в город, пустыню, в хозяйства и под покровительство богатых владельцев частных земель. Вслед за налоговой реформой была проведена перепись населения и земель, воспринятая населением, по словам Лактанция, как обществнное бедствие (*De mort. persec.* XXIII). Уже в первые годы IV в. вновь начался рост цен на хлеб.

Такова была обстановка в Египте в детские годы Афанасия. И если он еще не мог ее воспринимать, то на его родителей и на их окружение она несомненно воздействовала. Люди искали прибежища среди угнетавших их трудностей и несчастий, и такое прибежище они находили в христианской церкви, утешавшей их и обещавшей, что в загробной жизни они найдут возмещение (если не материальное, то духовное) всех земных несчастий. И кроме того, местные христианские общины продолжали в той или иной степени сохранять традиции раннего христианства – поддерживали своих бедствующих членов и нищих⁸.

Афанасий рос в христианской среде и потому в играх со своими сверстниками он имитировал то, что видел в церкви, а благодаря цепкой памяти он повторял слышанное там и тем привлек внимание епископа Александра, что и определило его дальнейшую судьбу. Но когда это произошло? Видимо, до гонений против христиан или в первые годы гонений, начавшихся в 303–304 годах, – ведь едва ли такого рода игры во время гонений были безопасны и для детей и в большей степени для их родителей. Если судить по сообщениям Евсевия (*Euseb. H.E.* VIII. 2), гонения разворачивались постепенно: первый эдикт, изданный 24 февраля 303 г., предписывал разрушить церкви (и сразу же была разрушена церковь в Никомедии), отобрать священные книги, христиан лишать должностей, звания *honestiores*, лишать гражданских прав и судебной защиты своего имущества, разрешалось подвергать их пыткам, христиан-слуг обращать в рабство, рабы-христиане лишались права на освобождение. Этот эдикт, по-видимому, был направлен против христиан из ближайшего окружения императоров, знати и их слуг. Несколько позже последовал второй эдикт, предписывавший заключать в темницу церковный клир – епископов, пресвитеров, диаконов, чтецов, принуждать приносить жертвы языческим богам, а совершивших жертвоприношение – отпускать. Затем в 304 г. (очевидно, с обострением ситуации) принуждение приносить жертвы языческим богам было распространено на всех христиан⁹ под угрозой применения пыток.

Несомненно, что эдикты, касающиеся церковного клира и рядовых христиан, ощутимо затронули население Александрии и Египта. Но гонения в Египте не были столь массовыми, как это изображает Евсевий Кесарийский (*H.E.* VIII. 8–10), сообщая о сотнях и тысячах христиан, подвергшихся пыткам, казням, ссылкам в рудники. Приводимые им конкретные факты говорят о том, что жертвами становились прежде всего руководители церквей, христиане-чиновники, оппозиционные центральной или местной власти и осужденные по доносам врагов богатые христиане, конфискация имущества которых могла пополнить имперскую казну. Так, среди погибших Евсевий

⁸ Об этом, например, пишет император Юлиан в письме к главному жрецу Галатию: «Ведь это позор, ...если нечестивые галилеяне (так он называет христиан. – А.П.) кормят не только своих, но и наших, а наши лишены нашей же помощи» (*Juliani Imp. Epistulae.* 84. 430 d – см. ВДИ. 1970. № 2. С. 259. Пер. Д.Е. Фурмана).

⁹ Возможно, что, стремясь упрочить империю не только военными и административными, но и идеологическими мерами, тетрархи, как и их предшественники, главным способом в этом плане считали проверку лояльности подданных к государственному культу.

называет каталикоса (управляющего императорским имуществом в Египте) Филорома и епископа тмуитского Филеаса, «прославившихся богатством, благородством, достоинством, красноречием и философией» (Н.Е. VIII. 9), а также епископов Пилевса и Нила, погибших в аравийских рудниках, и казненных и умерших от пыток епископов Исихия, Пахомия, Феодора, пресвитеров Фавста, Дия и Ермия (Н.Е. VIII. 13). Некоторые епископы и пресвитеры, заключенные в темницы и сосланные, пережили гонения, подобно епископу ликопольскому Мелитию, многие смогли укрыться, в том числе епископы Ахилла и Александр, ставшие позднее архиепископами Александрии (очевидно, скрывался и епископ Евсевий Кесарийский, посетивший, по его словам, во время гонений Александрию, – Н.Е. VIII. 9). Находился в укрытии и архиепископ Петр¹⁰, погибший лишь после возобновления гонений при Максимино, т.е. после 310 г.

Очень интересно сообщение Афанасия: в составленном им «Житии св. Антония» он рассказывает, что во время этих гонений отшельник Антоний покинул свой монастырь, чтобы «подвизаться, если будем призваны, или видеть подвизающихся». Судья, заметив попечительство Антония и бывших с ним иноков о привлеченных к суду и наказанных христианах, «приказал, чтобы никто из иноков не показывался в судилище и чтобы вовсе не оставались они в городе. Все прочие в этот день почли за лучшее скрываться. Антоний же... и на следующий день, став впереди всех на высоком месте, явился перед гегемоном в чистой одежде. Когда все дивились сему, даже видел его и гегемон, и со своими воинами проходил мимо его, стоял он бестрепетный, показывая тем христианскую нашу ревность... Ибо ему желательно было стать мучеником» (Афанасий. Творения. III. С. 216). Но гегемон (дук) со своими воинами прошел мимо, и снова Афанасий стал «прислуживать исповедникам», т.е. подвергавшимся судебным преследованиям и мучениям христианам.

Вероятно, Афанасий рассказал о действительном событии, и это сообщение убедительно доказывает, во-первых, что гонения были направлены отнюдь не против всякого христианина и, во-вторых, что население Александрии, в том числе судья, дук и его воины не проявляли враждебности к людям, возможно, христианам, поддерживавшим «исповедников». Следовательно, инициированные имперскими властями гонения были направлены против определенных групп христиан в этой провинции, носили более или менее отчетливый политический характер. Длвишиеся достаточно длительный срок – около 6 лет, в течение которых произошли существенные изменения и в правящих имперских кругах, гонения привели к гибели наиболее ревностных и влиятельных сторонников христианства и в какой-то мере к ослаблению организационных и моральных опор церкви: авторитет скрывавшихся во время гонений епископов пошатнулся. Так, в Египте, особенно в Фиваиде, сложились условия для появления «мелитиан», сторонников ликопольского епископа Мелития, «исповедника», не подчинявшегося после окончания гонений александрийским архиепископам¹¹.

Можно думать, что период гонений был переломным в жизни юного Афанасия. Как уже говорилось, его встреча с епископом Александром, по-видимому, произошла до начала гонений, т.е. когда Афанасию было 10–11 лет. Но не исключена возможность детских игр и во время гонений, принимая во внимание заразительность для детей фанатизма христиан, с которым они шли на мучения во имя своих убеждений и веры. Однако сообщение о том, что дети устраивали игры ежегодно в память архиепископа Петра, ошибочно (или не связано со сверстниками Афанасия), так как Петр погиб в ноябре 311 г. после возобновления гонений на христиан императором Максимином. К этому времени Афанасию было не менее 17–18 лет. Г.В. Флоровский пишет, что

¹⁰ Это утверждает В.В. Болотов, ссылаясь на «Веронские документы», он считает ошибочным сообщение Епифания о том, что Петр и Мелитий (так он полагает правильным писать это имя) совместно находились в темнице – см. *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви. II. История церкви в период до Константина В. СПб., 1910. С. 424.

¹¹ О Мелитии см. *Болотов*, Ук. соч. С. 423–428. См. также: *Hauben H.* La première année du schisme mélitien (305/306) // *Ancient society*. 1989. 20. P. 267–280; *Martin A.* Les conditions de la réadmission du clergé mélitien par le Concile de Nicée // *Ibid.* P. 281–290.

Афанасий рано был замечен епископом Александром, жил в его доме и под его руководством получил образование у грамматиков и риторов¹². По словам Григория Назианзина (Богослова), он «изучал светские науки, однако немного времени, с тем только, чтобы и в этом не казаться совершенно неопытным и не знающим того, что почитал достойным презрения» (Orat. XXI). Афанасий рано вступил в клир: вначале был анагностом (чтецом), затем диаконом и архидиаконом (Theodorit. Н.Е. I. 26); характеризуя Афанасия, Феодорит пишет, что это был «муж, с детства напитанный божественным учением и проходивший с особенным достоинством все степени церковного чина» (ibid.¹³).

Как уже говорилось, в 325 г. Афанасий сопровождал архиепископа Александра на Никейский собор и вместе с ним активно участвовал в отстаивании сформулированного на соборе символа веры, основанного на учении о единосущии Бога Отца и Бога Сына. Вскоре после Никейского собора архиепископ Александр скончался, и в 328 г. архиепископом Александрии был избран Афанасий¹⁴.

Как могло случиться, что недавний диакон сравнительно с другими епископами и пресвитерами очень молодой – ему было не более 35 лет – оказался главой такой важной церкви – александрийской и ее епархии (Египта, Фиваиды, Пентаполя и Ливии)? Этот «скачок» в карьере Афанасия был обусловлен рядом причин. По-видимому, большую роль сыграла рекомендация архиепископа Александра, чьим помощником (секретарем?) в течение многих лет был Афанасий. Можно думать, что уже будучи диаконом он приобрел симпатии паствы, так как в обязанности диакона, ведавшего церковным имуществом и казной, входило оказание помощи вдовам, сиротам и неимущим. И несомненно, немалое значение имело его участие в дискуссии о вероисповедании на Никейском соборе, а также его апологетические сочинения «Слово против язычников» и «Слово о воплощении Бога-Слова и о пришествии его к нам во плоти», написанные им до поездки на собор (по предположению Г.В. Флоровского, в 317–319 гг.¹⁵). Хотя Феодорит пишет (Н.Е. I. 26), что Афанасий проходил «с особым достоинством все степени церковного чина», но это не означает, что пред избранием в епископы он имел чин пресвитера. В.В. Болотов отмечает неоднократные случаи замещения вакантных епископских кафедр архидиаконами¹⁶, но среди названных им имен первым указан Афанасий. Едва ли избрание Афанасия было единодушным: не считая сторонников Ария, осуждению которого на Никейском соборе он активно содействовал, враждебными Афанасию были также епископ ликопольский Мелитий и его приверженцы. Мелитий, претендовавший на архиепископскую кафедру, самочинно осуществлял хейротонию пресвитеров в некоторых церквях Фиваиды и Египта, и хотя его своеволие было осуждено на Никейском соборе, но и он сам и его сторонники сохранили свои звания. Таким образом, положение Афанасия в качестве архиепископа оказалось достаточно сложным.

Никейский собор, осудив Мелития, подтвердил подчинение епископу Александрии церковей Египта, Фиваиды, Ливии и Пентаполя. В это время в Александрийскую епархию входило более 100 епископов: уже в 320–321 г. ариепископ Александр в своем послании по поводу решений Александрийского собора, осудившего Ария и его

¹² См. Флоровский. Ук. соч. С. 26.

¹³ Сочинения Феодорита цитируются по изданию: Феодорит, епископ Кирский. Церковная история. М., 1993.

¹⁴ В «Оглавлении» (Κεφάλαια) к «Праздничным посланиям» сообщается, что архиепископ Александр скончался 22 фармутхи (после Пасхи) 328 г., а уже 14 пауни того же года (т.е. через 50 дней) был избран на кафедру архиепископа александрийской епархии Афанасий (Творения. III. С. 377). О разногласиях историков церкви о дате его избрания архиепископом (в 326 или 328 г.) см. Спасский. Ук. соч. С. 263. Прим. 1.

¹⁵ Флоровский. Ук. соч. С. 28. Об этих сочинениях Афанасия см. Meijering E.P. Orthodoxy and Platonism in Athanasius. Synthesis or Antithesis? Leiden, 1968.

¹⁶ Болотов. Ук. соч. С. 166. См. также Socr. Sch. Н.Е. II. 6 о возможности избрания архиепископа из диаконов.

сторонников, пишет, что в соборе участвовали епископы Египта и Ливии «в числе близ ста» (Socr. Sch. H. E. I. 6). Попытаемся выявить из имеющихся в нашем распоряжении источников конкретные сведения о размещении церквей в пределах александрийской епархии. В самой Александрии еще до гонений помимо главного храма, где богослужение вел архиепископ, были и другие моленные центры во главе с пресвитерами (например, упоминаются как александрийские пресвитеры Арий, Коллутх, Макарий – Theodorit. H. E. I. 4; II. 8). Известно также, что еще до начала гонений были епископы в Птолемаиде, Мармарикии (в Пентаполе), в Фиваиде (Тмуитис). После легализации христианства начался быстрый рост церковных организаций: моленные дома и храмы появились повсюду, даже в сельских поселениях Мареотиды и Фаюма. Едва ли пресвитеры местных церквей вникали в сущность догматических споров сторонников решений Никейского собора с арианами и милетианами, но рукоположенные Милетием или епископами-арианами естественно становились их последователями.

О деятельности Афанасия в своей епархии (и организационной, и идеологической) дают представление его так называемые «Праздничные послания», связанные с определением времени празднования Пасхи и длительности поста, содержавшие ритуальные и догматические наставления пастве, соответствовавшие по его представлениям данному моменту. Как известно, вопрос о времени и порядке празднования Пасхи был предметом разногласия церквей в III–IV вв. и специально обсуждался на поместных и вселенских соборах¹⁷. Разногласия были обусловлены и ритуальными проблемами и разными хронологическими (астрономическими) вычислениями даты празднования¹⁸. На Никейском соборе было осуждено празднование Пасхи по иудейскому календарю и ритуалу и возложена на александрийскую и римскую церкви ответственность за установление для всех церквей единой даты празднования Пасхи по христианскому обычаю. Поэтому архиепископ Александрии обязан был в послании к пастве заранее извещать о дате празднования Пасхи и времени начала поста. Эти послания сопровождалась также проповедями – разъяснениями тех или иных текстов из Евангелия и Библии. Среди сочинений архиепископа Афанасия сохранилось 14 полных и 2 неполных праздничных посланий, дошли они в сирийском переводе (от греческого оригинала сохранилось лишь несколько фрагментов¹⁹), собранию предпослано Кефлала, т.е. «Оглавление», содержащее перечень этих посланий с указанием дня Пасхи по египетскому и римскому календарю (и датировкой по консульству и индикции) и некоторые сведения о событиях в александрийской епархии и деятельности Афанасия. Так, в «Оглавлении» указывается, что (в соответствии с обязанностями архиепископа) Афанасий совершал объезды своей епархии: в 330 г. – в Фиваиде, в 332 г. – в Пентаполе и Аммонияке, в 334 г. – в Нижнем Египте. Свое первое после вступления на епископскую кафедру послание Афанасий начинает рассуждением о «благовременном» праздновании Пасхи, говорит о сущности празднования, о значении поста: не плотью только надо поститься, но и душой, питая ее добродетелью, справедливостью, воздержанием, терпением, смиренномудрием (Творения. III. С. 392–403). В этом первом праздничном послании указаны лишь даты «святого поста» – последней предпасхальной (страстной) недели, в последующих поздравлениях обязательно включаются и даты «Четырдесятницы», т.е. предшествующих шести недель поста.

Праздничные пасхальные послания проливают некоторый свет на ситуацию в египетской епархии. Так, в послании 331 г. Афанасий пишет: «И хотя мы находимся в порабощении у наших притеснителей... мы, и преодолеваемые злобой наших обвинителей, не безмолствуем...» и когда «наступило для нас по воле еретиков время скорби, наипаче должны мы славославить Господа» (Творения. III. С. 412). Действи-

¹⁷ См.: Euseb. Vita Const. III. 5. 14; Socr. Sch. H. E. I. 9; V. 22; Theodorit. H. E. I. 9.

¹⁸ См. специальный экскурс «Споры о времени празднования Пасхи»: Болотов. Ук. соч. С. 428–451.

¹⁹ См. The Festal Letters of Athanasius, Discovered in Antient Syriac Version and Edited by W. Cureton. L., 1846, 1848; Die Fest-Briefe des Heiligen Athanasius von Alexandria / Aus dem Syrischen übers. und durch. Anm. erläutert. von F. Larsow. Lpz., 1852.

тельно, положение Афанасия в качестве александрийского архиепископа в это время становится все более трудным: помимо сложных взаимоотношений с арианами и мелитианами внутри александрийской епархии он столкнулся с враждебным отношением к нему некоторых влиятельных епископов из других восточных епархий. В античных и византийских источниках и в церковной литературе эту враждебность объясняют обычно догматическим противостоянием Афанасия, наиболее последовательно (и резко!) отстаивавшего сформулированный на Никейском соборе «символ веры» – тезис о единосущии Бога-отца и Бога-сына, и епископов, оспаривавших понятие «единосущия»²⁰. Но не исключено, что определенную роль играли психологические факторы – неприятие в чине архиепископа такого молодого человека, к тому же из среды простого люда, а также карьерные и имущественные интересы: ведь александрийская епархия была одной из самых богатых и значимых. Так, после того как император Константин I спустя три года после Никейского собора вернул из ссылки Ария, его сторонники и друзья – епископы Евсевий Никомедийский и Теогнис Никейский, приславшие ранее «покаянную грамоту» (*Socr. Sch. H.E. I. 14*) и уже вернувшиеся в свои епархии, начали борьбу с Афанасием за александрийскую епархию (для Ария). И характерно, что в 330-х годах при обсуждении на церковных соборах вопроса о низложении Афанасия обвинения носили преимущественно формально-литургический или бытовой характер. Об этих обвинениях в основном рассказывает сам Афанасий в своих апологиях, а также, опираясь на них, Сократ Схоластик и другие авторы.

По словам Сократа Схоластика (*H.E. I. 23*), враги Афанасия «сперва стали нападать на рукоположение его и утверждали, что он не заслуживал епископства и избран людьми недостоверными. Но с этой стороны Афанасий был явно выше клеветы». Тогда последовали обвинения в незаконных или преступных действиях Афанасия в процессе управления епархией, обвинения, имевшие целью вызвать гнев императора или осуждение церковного собора. Первое столкновение с императором Константином I произошло из-за отказа Афанасия принять в александрийскую церковь Ария и его сторонников, по этому поводу последовало письмо Афанасию от императора с предписанием принимать в церковь всех, кто пожелает вступить, и с угрозой: «Если я узнаю, что ты воспрепятствовал кому-нибудь присоединиться к церкви или возбранить вход в нее, тотчас пошлю низложить тебя по моему приказанию» (*Socr. Sch. H.E. I. 27*). Однако Афанасию удалось письмами уладить этот конфликт. Затем последовал донос мелитиан – епископов Исиона из Атхрибиса, Евдемона из Таниса и Каллиника из Пелусия о принудительной поставке египтянами льняных тканей александрийской церкви для изготовления стихарей (*Ibid.*). Объяснения по поводу этого заявления дали императору александрийские пресвитеры Апис (Алипий?) и Макарий, и император обвинения отверг. Речь шла, вероятно, о нарушении государственной монополии в торговле льняными тканями. По поводу следующего обвинения мелитиан – об отправке Афанасием кошель с золотом некоему Филумену – объяснения императору давал вызванный в Никомедию сам Афанасий. Из «Оглавления» и четвертого праздничного послания о праздновании Пасхи в 332 г. следует, что Афанасий отправил его из резиденции императора, куда он был вызван в связи с неоднократными обвинениями мелитиан и по дороге туда тяжело заболел. При встрече с Константином он сумел доказать, что его оклеветали пребывавшие там мелитиане, преследовавшие его своей ненавистью, они (уже упоминавшиеся Каллиник, Исион, Евдемон, а также Евлогий) были уличены и изгнаны (Афанасий. Творения. III. С. 425). Афанасий произвел благоприятное впечатление на императора, в послании александрийцам «всем верным вселенской церкви» Константин I писал: «Ничего не могли сделать лукавые против вашего епископа... А я радушно принял

²⁰ См., например, Феодорит: «Так как люди, решившиеся вести войну против единокровного Сына Божия знали по опыту, что он (Афанасий. – *А.П.*) готов защищать истину, то, осведомившись, что ему вверено кормило александрийской церкви, его начальствование сочли гибелью для своей секты» (*H.E. I. 26*); см. также *Socr. Sch. H. E. II. 15*.

вашего епископа Афанасия и беседовал с ним в полном убеждении, что беседуя с человеком Божиим» (Theodorit. H. E. I. 27).

Не добившись поддержки императора в своих попытках сместить Афанасия, так как в своей административной деятельности архиепископ, приобретший опыт еще в чине диакона, по-видимому, не выходил за рамки дозволенного предписаниями имперских властей, его противники среди епископата восточных епархий направляют свои обвинения против александрийского архиепископа на церковные соборы. На этот раз они воспользовались жалобой клирика из Мареотиды Исхируса на пресвитера Макария (будто бы посланного Афанасием), виновного в том, что в местной церкви он опрокинул трапезу, разбил чашу, сжег книги. Одновременно некий Архаф²¹ обвинил Афанасия в убийстве епископа Арсения из Ипсилиса (в Фиваиде), при этом в магических целях у мертвеца была отсечена правая рука. Оба эти обвинения должны были рассматриваться на соборе в Кесарии, но Афанасий туда не поехал. Обвинение в убийстве Арсения довели до сведения Константина, он поручил расследование цензору Далмацию, а тот сообщил об этом Афанасию. Афанасий предпринял энергичные поиски пропавшего Арсения и на соборе, который проходил по решению императора в Тире в 335 г., опроверг возведенную на него клевету, предъявив собору живого и неврежденного Арсения²².

Сложнее обстояло дело с жалобой Исхируса: для расследования было решено отправить в Мареотиду комиссию, в которую вошли враждебные Афанасию епископы (Патрофил, Наркисс, Феогнис, Феодор). В письме собору и комиту Флавию Дионисию, курировавшему по поручению императора проведение собора, египетские епископы, прибывшие вместе с Афанасием в Тир, осудили состав комиссии, отправленной в Мареотиду. В защиту Афанасия выступили также клирики и пресвитеры Александрии и Мареотиды, они жалуются на необъективность работы присланной комиссии, пишут епарху (префекту) Филагрию и дуценарию палатина Палладию, что Исхирус не пресвитер, так как назначен низложенным епископом Коллутхом, и церкви у него нет. Опасаясь определенной тенденциозности результатов расследований комиссии, Афанасий отправился в Константинополь, надеясь на поддержку императора. Но вызванные Константином для расследования дела епископы предъявили новое обвинение Афанасию: он будто бы грозил остановить доставку хлеба в Константинополь из Египта, главной житницы столицы. Разгневанный император не стал слушать объяснений Афанасия и сослал его в Треверу (Трир) в Галлии²³.

Итак, первый период (328–335 гг.) деятельности Афанасия в качестве архиепископа александрийской епархии закончился ссылкой. Его врагам удалось доказать, что его управление епархией не всегда согласуется с интересами императорской власти. И действительно, если судить по характеру и содержанию обвинений, деятельность Афанасия, казалось бы обусловленная потребностями церкви, заботами о пастве, выходила за рамки чисто церковных дел. Видимо, через местных чиновников-христиан он получает льняные ткани для изготовления стихарей, распоряжается какими-то денежными суммами. Но особенно показательно последнее обвинение: архиепископ угрожает властям приостановить отправку зерна из Египта в Константинополь. Но как мог Афанасий помешать вывозу зерна из Египта? По-видимому, лишь благодаря своему влиянию на паству, в том числе на лиц, ведавших отгрузкой зерна. И как кажется, именно это – влияние и моральный авторитет архиепископа вызвали

²¹ Так называет его Афанасий (Творения. I. С. 368). У Сократа Схоластика читаем: «Ахаав, иначе называемый Иоанном» (H.E. I. 30). В примечании издателей указывается, что это был мелитианский епископ из Мемфиса.

²² Сократ Схоластик красочно описывает эпизод предъявления собору мнимоубитого Арсения (H.E. I. 29), а Феодорит предваряет рассказ об этом эпизоде столь же красочным описанием провала попытки обвинить Афанасия в изнасиловании некой женщины (H.E. I. 30).

²³ В «Оглавлении» к пасхальным посланиям указывается, что 17 эфифа 335 г. Афанасий отправился на собор в Тир, оттуда «бежал» в Константинополь, прибыл туда 2 атиюра, а уже 10 атиюра 335 г. был отправлен в ссылку в Галлию.

опасения Константина I и побудили выслать Афанасия из Египта, не поставив никого другого на кафедру епископа Александрии²⁴.

Как уже говорилось, прекращение гонений (а гонения и достойное поведение преследуемых христиан производили на народ обратное, чем хотелось бы имперским властям, впечатление) и признание легальности христианской религии привели к росту ее влияния в Александрии, где проводились показательные следствия, суды и казни, и в Фиваиде, куда отправляли осужденных христиан в ссылку на рудники. А в Среднем Египте, например в Фаюме, в 320-х – начале 330-х годов каких-то заметных следов роста христианских общин не прослеживается. В одном из наиболее крупных частных архивов фаюмских папирусов этого времени – Архиве Аврелия Исидора²⁵ практически нет каких-либо определенных сведений о христианах. Это прежде всего объясняется характером документов, преимущественно хозяйственно-правовых, представлявших ценность в глазах владельца архива Аврелия Исидора, сына Птолемея, земледельца из комы Каранис, – договоров, расписок, отчетов, копий жалоб, имущественных деклараций, квитанций и пр. Время жизни и деятельности Аврелия Исидора приходится в основном на 280–320-е годы (последний документ датирован 324 г. – р. Cair. Isidor. 140), период, насыщенный острыми событиями в политической, религиозной и административно-хозяйственной жизни Египта. В архиве Исидора нашли отражение и восстание Ахиллеса, и экономические реформы Диоклетиана (налоговая реформа, перепись земель и населения), и административные реформы Максимиана и Лициния (разделение номов на паги, введение должностей препозита пага, тессарария, квадрария), но нет сведений о гонениях, упоминаний о служителях христианской церкви. Правда, следы христианской терминологии присутствуют в отдельных петициях Исидора, но едва ли их можно рассматривать как свидетельства тяготения самого Исидора к христианству, так как его утверждения, что он принадлежит к числу «бедных и добродетельно живущих» (τῶν μετρίων; καλῶς ἐν βιοῦντες – р. Cair. Isidor. 74 – 316 г.), что у него, «ушедшего в свои дела» (κατ' ἐμαυτὸν διαχωροῦντος), нет ни с кем склоки в коме (р. Cair. Isidor. 75 – 316 г.), противоречат сведениям, содержащимся в других документах его архива: Исидора, обрабатывавшего 140 арур, никак нельзя отнести к беднякам, к тому же в эти годы он вел тяжбу с двумя жителями своей комы. Вероятно, в употреблении таких словосочетаний следует видеть обычные для того времени приемы риторического оформления петиции²⁶, при этом можно предполагать, что среди писцов, к которым обращался Исидор, могли быть христиане.

Легализация христианства, покровительство христианской церкви со стороны императора Константина I и соответственное изменение в настрое местных чиновников, как уже говорилось, имело результатом быстрое распространение церковных организаций. В Египте появлению церквей в городских и сельских поселениях номов, вероятно, способствовала активная деятельность молодого и инициативного архиепископа александрийского Афанасия, находившего поддержку паствы (на это указывают письма в его защиту клириков и пресвитеров Мареотиды и Александрии против обвинений клирика Исхираса на соборе в Тире). И если в 320-х и начале 330-х годов в папирусах из Фаюма нет прямых свидетельств о появлении церквей в комах Арсиноитского нома, то во второй половине 330-х и в 340-х годах уже неоднократно упоминаются пресвитеры и диаконы среди жителей фаюмских поселений. С этого времени начинается период наиболее жесткого противостояния Афанасия и арианства.

²⁴ Сократ Схоластик, объясняя ссылку Афанасия гневом императора в связи с этим обвинением, добавляет: «Некоторые говорят, что так определил он с целью соединить Церковь, ибо Афанасий никак не хотел иметь общение с арианами» (Н.Е. I. 35). Этому сообщению отдается предпочтение в трудах по истории церкви, см. *Спаский*. Ук. соч. С. 304.

²⁵ The Archive of Aurelius Isidoros / Ed. A.E.R. Boak, H.Ch. Youtie. Ann Arbor, 1960.

²⁶ См. *Ковельман А.Б.* Риторика прошений и массовое сознание в римском Египте // ВДИ. 1984. № 2. С. 170–184.

После ссылки Афанасия в Галлию стремление его противников возвести на александрийскую кафедру Ария, либо кого-то из его последователей (Арий скончался в 336 г.) оказалось безуспешным или из-за соперничества претендентов, или из-за сопротивления клира египетской епархии, или из-за несогласия императора. Историки церкви объясняют это именно нежеланием императора заменить Афанасия кем-то другим. Феодорит пишет: Константин I перед смертью, приняв крещение и назначив наследниками своих сыновей Константина II, Констанция и Константа, «повелел также, чтобы великий Афанасий возвратился в Александрию, и это повеление дал в присутствии Евсевия²⁷, который всячески старался внушить ему противное» (Н.Е. I. 32). Однако Сократ Схоластик сообщает, что вернувшийся в Александрию Афанасий «был уполномочен к тому грамотою... Константина Младшего», направленной из галльской Треверы александрийскому народу (Н.Е. II. 2), и воспроизводит текст этой «грамоты», приведенной Афанасием в своей апологии против ариан (Творения. I. С. 396; Socr. Sch. Н.Е. II. 3); в ней говорится, что ссылка в Галлию имела целью спасти Афанасия от врагов, что он жил под покровительством Константина Младшего, «имея в изобилии все нужное», что император имел намерение возвратить Афанасия в Александрию, но не успел исполнить его.

В ссылке Афанасий провел более двух лет, возможно, в этот период он изучил латинский язык и установил дружеские связи с некоторыми западными епископами. Когда он вернулся в Александрию в конце 337 г., народ принял его с великой радостью (Socr. Sch. Н.Е. II. 3; Theodorit. Н.Е. II. 2). Свое послание о праздновании Пасхи в 338 г. он, видимо, писал еще в изгнании, упоминал об испытанных им бедствиях, резко осуждал ариан, называя их «неистовыми», «христорборцами», еретиками, и утешал прихожан: «За бедствием следует утешение, за страданием успокоение, за болезнью выздоровление, за смертью бессмертие... не подобает страшиться, когда борющееся со Христом ничтожество открыто восстает против благочестия» (Творения. III. С. 461). Эта жесткая позиция Афанасия естественно вызвала ответную реакцию его противников. Ариане сразу же начали кампанию против него, и на этот раз они нашли поддержку в правящих верхах – Констанций и его окружение были на их стороне.

По существу Афанасий оказался в центре не только религиозной, но и политической борьбы между наследниками Константина I: его сыновья Константин II и Констант, унаследовавшие власть в западных провинциях империи, имели поддержку епископата этих провинций и Рима, придерживавшихся ортодоксального (никейского) направления христианской церкви, Констанций же, получивший власть в восточных провинциях и утвердившийся в Константинополе, оказался в окружении приверженцев арианского учения и сам стал его сторонником. В этой ситуации Афанасий, главный и активный противник арианства, имевший устойчивую и массовую поддержку в своей епархии, стал значимой фигурой в политической истории Римской империи в середине IV в.

Праздничное послание на Пасху в 339 г. Афанасий писал в Александрии, в нем он разгласяет пастве некоторые места из Псалмов и Евангелий, призывает к истинному благочестию, но не делает резких выпадов против ариан, упоминаются лишь «ненавидящие нас евсевiane», которые «и теперь... пытаются вредить нам и возводят на нас тяжкие вины из-за благочестия, охраняемого Богом». Уже вскоре начались притеснения Афанасия. По словам Сократа Схоластика, Афанасия обвиняли в том, что он самочинно занял архиепископский престол в Александрии без соборного постановления об отмене решений Тирского собора (Н.Е. II. 8). В 340 г. в военном конфликте между Константом и Константином II старший брат погиб, Афанасий лишился политической поддержки, и это активизировало действия его противников. Сократ сообщает также, что на место Афанасия ариане намеревались направить Евсевия Эмисского, но

²⁷ Имеется в виду Евсевий, архиепископ никомедийский. У Феодорита заметны тенденция драматизировать события и враждебное отношение к епископу Евсевию.

тот отказался, тогда на Антиохийском соборе (340 г.) на александрийское епископство был избран Григорий, который лишь с помощью военной силы смог изгнать Афанасия (Н.Е. II. 10). Сам Афанасий в своем «Окружном послании», адресованном епископам Египта, Ливии и Фиваиды, рассказывает об этих событиях несколько иначе: об Евсевии Эмисском он не упоминает, но пишет о присланном арианами епископе Писте, которого египетские епископы под влиянием Афанасия (по его письму) «предали за его нечестие анафеме и отлучению». Чтобы избежать повторения подобного казуса, ариане оклеветали Афанасия перед Констанцием, и «по воле императора» эдиктом префекта Филагрия²⁸ было объявлено о назначении архиепископом Александрии Григория из Каппадокии (Афанасий. Творения. I. С. 278–280). Смещение Афанасия, по-видимому, вызвало волнения в Александрии (Сократ пишет: когда епископ Григорий овладел церковью, «александрийский народ в негодовании на случившееся сжег эту так называемую Дионисиеву церковь» – Н.Е. II, 11). Афанасию удалось скрыться, и он отправился в Рим, рассчитывая найти там защиту и помощь среди сторонников ортодоксального (никийского) вероисповедания.

На этот раз в изгнании Афанасий находился около 5 лет. Все эти годы он активно участвовал в межцерковной борьбе римской и других западных епархий, придерживавшихся сформулированного на Никейском соборе символа веры, с восточными арианскими епархиями, получавшими поддержку и покровительство императора Констанция. По просьбе Афанасия римский архиепископ Юлий собрал поместный собор для рассмотрения жалоб Афанасия и Маркелла (из Галлии), в котором участвовало более 50 епископов западных церквей, были также посланы приглашения главе ариан Евсевию, занимавшему ранее никомедийскую кафедру, а к тому времени уже ставшему архиепископом Константинополя, и другим восточным епископам, но никто не приехал. Римский собор в 340 г. признал обвинения, предъявленные Афанасию, необидительными, назначение архиепископом Александрии Григория незаконным, о чем папа Юлий направил послание Евсевию и восточному епископату. Однако в ответе, пришедшем лишь через год, подтверждалось решение Антиохийского собора о низложении Афанасия и ему предъявлялось новое обвинение – в присвоении и продаже в своих интересах хлеба, предоставляемого александрийской церкви для пропитания бедных. Тогда Афанасий и изгнанный арианами из Константинополя епископ Павел обратились к императору западной половины империи Константу с просьбой о созыве нового вселенского собора²⁹. С согласия обоих императоров в 343 г. в Сердике (совр. София) был созван новый вселенский собор с целью примирить враждующих и согласовать основные формулы изложения христианской веры («единосущия» и «подобосущия» Бога Отца и Сына). Но «вселенским» собор не стал: епископы восточных арианских церквей отказались от участия в нем из-за присутствия на нем низложенных ими Афанасия и Павла и собрались на свой собор в Филиппополе. В результате противостояние церквей стало более очевидным: собор в Сердике подтвердил свою приверженность решениям Никейского собора, собор в Филиппополе категорически отверг никейский догмат о единосущности Бога-отца и Бога-сына и отказался отменить осуждение Афанасия и Павла и других смещенных епископов. Напротив, Сердикский собор принял решение о восстановлении в прежних званиях Афанасия и других низложенных епископов, признал ложными все обвинения, предъявленные Афанасию и объявил о низложении обвинителей в том числе архиепископа Григория³⁰.

В годы изгнания Афанасий сначала жил в Риме, во время проведения Сердикского собора в Сердике и Ниссе, после собора – в Аквилее, и, где бы он ни находился, он

²⁸ Филагрий занимал эту должность в 335–337 гг. и вторично в 338–340 гг. – см. *Vandersleyen Cl. Chronologie des préfets d'Egypte de 284 à 395. Bruxelles, 1962. P. 15.*

²⁹ Сократ Схоластик: «Павел и Афанасий стали требовать другого вселенского собора, на котором бы положен был конец делу – и о них и о вере, доказывая, что низложения (епископов) делаются с целью ниспровергнуть веру» (Н.Е. II. 20).

³⁰ См. *Theodorit. Н.Е. II. 8* – соборное послание Сердикского собора к епископам всей вселенной. О соборах в Сердике и Филиппополе см. *Спаский. Ук. соч. С. 324–333.*

продолжал поддерживать связи со своей епархией. В 340 г., после того как в Александрии утвердился епископ Григорий, Афанасий «из-за бегства и преследования» не посылал «Праздничного послания», но когда выяснилось, что ариане ошиблись в определении дня Пасхи, Афанасий в письме Серапиону (и другим епископам) указал на ошибку и настойчиво советовал возвестить о Четыредесятнице – «о необходимости поста ради того, чтобы, когда весь мир постится, одни мы, живущие в Египте, не были в посмеянии за то, что не соблюдаем пост, а наоборот в эти дни предаемся веселию» (Творения. III. С. 482). В этом же письме он сообщает Серапиону список скончавшихся и поставленных на их место епископов. В 341 г. из Рима Афанасий направляет в Египет очередное «Праздничное послание» с извещением о времени поста и празднования Пасхи, пишет о жестоких преследованиях, обрушившихся на церковь, и призывает противостоять соблазну, когда «упившиеся злобой», еретики «обещают раздаяние священных званий» (Творения. III. С. 490). В том же 341 г. из Рима Афанасий обратился к своей пастве с упомянутым выше «Окружным посланием», где призывал своих «поместных сослужителей» не допустить, «чтобы знаменитая александрийская церковь попорана была еретиками». Он пишет, что по дошедшим до него сведениям язычники и иудеи вторгаются в христианские церкви, расхищают церковное имущество, жгут книги, власти ввергают христиан в темницы, секут, отнимают имущество, церкви передают арианам; он сетует, что народ и священнослужители «молчат, боясь насилий» со стороны властей. Афанасий советует не принимать посланий Григория (даже если он осмелится писать о примирении), а тех, кто их доставит, осуждать за нечестие и отлучать от церкви, и просит писать ему (Творения. I. С. 286).

Так виделось Афанасию издавелека состояние дел в его епархии, вероятно, по сообщениям, доходившим до него из Александрии. Можно думать, что после изгнания арианами Афанасия и его сторонников из Александрии обстановка там была достаточно напряженной, но не исключено и то, что Афанасий или авторы сообщений сгущали краски под влиянием трафаретных описаний о преследовании христиан язычниками. К сожалению, документальными свидетельствами (в виде надписей, папирусов, юридических источников) о ситуации в Александрии в это время мы не располагаем. В сохранившихся в папирусах сообщениях о жизни сельских и городских поселений в 330–340 гг. можно заметить лишь весьма слабые следы внутрицерковной борьбы, хотя несомненно имеет место возрастание роли христианства в общественной жизни Египта, о чем свидетельствует распространенность христианской терминологии в частных письмах и в деловой переписке. Это проявлялось преимущественно в обращениях к адресату (ἀγαπητῷ ἀδελφῷ), в приветствиях и пожеланиях (ἐν κυρίῳ χαίρειν; εὐχόμεν ἐν κυρίῳ θεῷ), реже в тематике писем. Опираясь на эти признаки, М. Нальдини в своей книге «Христианство в Египте»³¹ собрал 97 писем, большая часть которых датируется IV в. (19 писем он датирует II–III вв., 15 – концом III – началом IV в., 55 – IV веком и 8-концом IV – V в.), но происхождение почти половины писем неизвестно. Из локализованных издателями по месту находки большинство писем происходит из Оксирина, остальные из Фаюма, Гермупольского нома, Антиноуполя, Панополя и Большого Оазиса, т.е. из номов Среднего и Верхнего Египта. Христианские письма показывают также увеличение случаев упоминания церковных служителей – епископов (письмо № 39), пресвитеров (№ 21, 50, 56), тех и других под обозначением ἀπα (№ 49, 82, 83, 86, 91, 95, 97) и πάπας (№ 6, 25, 40), «оглашенных» (κατηχούμενοι – № 20, 29, 47), анахоретов (ἀναχωρητής – № 82, 86), упоминаются монастыри (τόπος – № 2, 30, 47, 50, 94), церкви (ἐκκλησία – № 56, 95). Все это несомненно говорит о распространении христианства и церковных организаций. Но из-за сложности локализации и датировки (в основном по почерку, стилю, терминологии и другим косвенным данным) трудно увязать содержание писем с каким-либо определенным поселением, с общественными явлениями и событиями, т.е.

³¹ Naldini M. Il Cristianesimo in Egitto. Lettere private nei papiri dei secoli II–IV. Firenze, 1968.

вставить в исторический контекст. Однако М. Нальдини делает это – и не безуспешно. Так, републикуя р. Lond. 1658(= Naldini 42) – фрагмент письма от Антония «возлюбленному сыну» духовного содержания, Нальдини вслед за первоиздателем и другими исследователями атрибутирует его отшельнику св. Антонию Великому. По их мнению, письмо адресовано Амму, нитритскому отшельнику, но в связи с чем и когда оно написано – определить не удастся. Известно, что в 338 г. (?) по приглашению архиепископа Афанасия св. Антоний посетил Александрию и примерно в это же время Амму начал подвизаться на Нитрийской горе³². Не к этому ли времени относится письмо Антония?

Два интересных письма из собрания Нальдини происходят из Большого Оазиса: это, во-первых, письмо пресвитера Псеносируса пресвитеру Аполлонию (Naldini 21 = р. Grenf. II, 73 = W. Chrest. 127), в котором он сообщает, что *ὁι νεκροτάφοι* (могильщики?) доставят в Тоэте Политикию, сосланную властями в Большой Оазис, и рекомендует охранять ее до приезда ее сына Нейла. Исследователи связывают это сообщение с гонениями³³, но, возможно, что факт, о котором идет речь, имел место уже после легализации христианства. Во-вторых, это письмо от пресвитера Аполлония (возможно, от уже упомянутого) диакону Стефану (Naldini 43 = р. Gissen. 103) с распоряжением привезти некоторое количество конопли и пурпура и с другими хозяйственными поручениями. Аполлоний передает приветствия и добрые пожелания братьям (*ἀδελφοί*) из этой христианской общины и их детям. Нальдини отмечает, что текстильное ремесло было распространенным занятием в церковных и монастырских общинах. Письмо Аполлония написано на verso папируса, текст которого датирован 309 г. Можно думать, что оно было отправлено Стефану на несколько лет позднее этой даты и в какой-то мере позволяет предполагать существование в 320–340 гг. значительной христианской общины в Большом Оазисе.

Свидетельством роста христианских общин в Оксиринхе могут служить письма главы церковной общины Сотаса. В одном из них (Naldini. 28 = PSI 208) он просит «возлюбленного брата» Петра «принять по обычаю одного из наших братьев» Гераклеса, во втором (Naldini. 29 = PSI 1041) он просит другого «возлюбленного брата» Павла «принять по обычаю» братьев – *καθηχούμενους τῶν συναγομένων* Герона, Гориона, Филадельфа, Пекусия и Наароуса и *καθηχούμενον ἐν ἀρχῇ τοῦ εὐαγγελίου* Леона. (Речь идет об «оглашенных» разной степени подготовленности к крещению³⁴.) В обоих письмах Сотас передает приветствия адресату и тем, кто с ним (братии или пастве?), от себя и «своих». Третье письмо Сотаса адресовано τῷ ἱερῷ υἱῷ μου («сыну моему в Боге») Деметриану (Naldini. 30 = р. Оху. 1492), в нем идет речь о предоставлении 1 аруры земли τῷ τότῳ (монастырю или церковной общине), видимо, для каких-то церковных нужд³⁵.

В очень фрагментированной петиции епископа оксиринхской церкви Дионисия, адресованной стратегу Флавию Параннию (он же Макробий), датируемой 336 г. (р. Оху. 2344), также идет речь о каком-то земельном владении и опекунстве (см. JJP. IX–X. Р. 367). В р. Оху. 43 verso (= W. Chrest. 474), содержащем список ночной стражи на главных улицах Оксиринха, в числе объектов охраны названы Цезарион, Сарапейон, храмы Изиды, Теорис (= Афины) и две христианские церкви. Ресто этого папируса – счет на поставку фуража датирован 295 г., – очевидно, интересующий нас документ, написанный на verso, составлен после легализации христианства, когда охрана христианских церквей была приравнена к охране языческих храмов, и можно предполагать, что наличие двух христианских церквей в какой-то мере свидетельствует о внутрицерковном противостоянии.

³² Об Амму (или Аммоне) см. *Socr. Sch.* H.E. IV. 23.

³³ Литературу об этом документе см. *Naldini*. Op. cit. P. 131–135.

³⁴ М. Нальдини переводит в первом случае – *catecumeni participantī*, во втором – *catecumeni iniziati* (Op. cit. P. 154).

³⁵ Подробнее см. *Фихман И.Ф.* Оксиринх – город папирусов. М., 1980. С. 88.

Значительный интерес представляет р. Naldini. 39 (= PSl. IV. 311) – это письмо-инструкция некоему «брату» (ἀδελφῷ) о поездке в город Лаодикею в Койлесирии, где находится епископ Феодот с целью передать ему что-то (τὰ ὑράμματα?) непосредственно в его руки (εἰς χεῖρας). Имена автора письма и инструктируемого не сохранились, некоторые исследователи высказывают предположение, что письмо адресовано упомянутому выше Сотасу³⁶. Письмо найдено в Оксиринхе, откуда оно было отправлено – неизвестно, но кто-то из оксиринхских христиан (может быть, Сотас?) должен был отправиться в Лаодикею к епископу Феодоту. Из «Церковной истории» Феодорита (Н.Е. V. 7) известно, что Феодот Лаодикийский был одним из видных представителей арианства, он упоминается в письме Ария к епископу никомедийскому Евсевию в числе «пастырей Востока», преданных анафеме архиепископом Александром еще до Никейского собора (Theodorit. Н.Е. I. 5). М. Нальдини (ссылаясь на Созомена – Н.Е. III. 5) отмечает, что Феодот оставался епископом Лаодикеи до 341 г., так что письмо-инструкция, очевидно, было написано ранее этого срока, может быть, до второго изгнания Афанасия из Александрии. Трудно сказать, состоялась ли поездка адресата в Лаодикею.

Более определенную информацию можно извлечь из документальных папирусов – архивов частных лиц. Выше уже говорилось, что архив Аврелия Исихора из комы Каранис, охватывающий 293–324 гг., почти не содержит сведений о христианстве – официальные документы и деловые письма носят традиционный характер: обязательства подтверждаются клятвой с именами языческих божеств и лишь в петициях, написанных писцами, можно заметить следы влияния христианской терминологии. Несколько иную ситуацию отражают документы последующих десятилетий. Так, среди папирусов, связанных с архивом Сакаона, сына Сатабута из Теадельфии³⁷, датированных 290–343 гг., есть вполне определенные сведения о существовании христианской общины в этой коме в конце 330 – начале 340 г. В архиве Сакаона, занимавшего на протяжении многих лет должность комарха (старосты) Теадельфии, сохранились две петиции (разделенные тремя десятилетиями) от жителей этой комы Меласа и его сына Зоила по поводу притеснений их семьи со стороны Сакаона. В первой, датированной 312 г., Мелас, сын Гераклида, жалуется на то, что Сакаон насильственно и незаконно увел свою дочь Тауэс от ее мужа Зоила, сына Меласа (р. Sakaon. 38 = р. Flor. 36 = Mitt. Chrest. 64). Опасаясь столкновения с Сакаоном, Мелас характеризует себя как человека осторожного и богобоязненного (εὐλαβῶς τε ἐμῷ ἔχοντος) и обращается с просьбой к префекту принудить Сакаона вернуть жену Зоилу. Написанная писцом жалоба завершается традиционным благодарением (благопожеланием?) Тяхэ префекта. Такая концовка в 312 г. была, вероятно, единственно возможной, но употребление такого словосочетания, как εὐλαβῶς... ἔχοντος, позволяет предполагать принадлежность Меласа к христианам. Это предположение становится вполне вероятным, если сопоставим петицию Меласа с петицией его сына Зоила, адресованной препозиту пага в 343 г. (р. Sakaon. 48 = SB. VI. 9622). Зоил к этому времени уже стал диаконом кафолической церкви (διάκονος τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας), но его семью по-прежнему притесняет Сакаон, сын Сатабута, глава одной из богатых семей Теадельфии. Зоил перечисляет ряд нанесенных его семье обид: Сакаон опять увел жену (свою внучку?) от умирающего сына Зоила Геронтия, вместе со своими родственниками избил Паэсия, другого сына Зоила, угнал арендованный семьей Зоила скот. Зоил долго терпел эти обиды, «упражняясь в праведной жизни» (τὸν ἀπράγμοινα βίον ἀσκῶν), но, видимо, большой ущерб для хозяйства от угона скота заставил его подать петицию. Однако можно высказать и другое предположение о побудительной причине: судя по характеристике Сакаона и его семьи в петиции Зоила, – это люди, «полные презрения к благозаконию настоящего времени и нашему мирному образу

³⁶ Фихман. Ук. соч. С. 88. Прим. 169. По мнению Нальдини, это письмо вызывает много вопросов, остающихся открытыми (Op. cit. P. 184–185).

³⁷ Parassoglou G.M. The Archive of Aurelius Sakaon: Papers of an Egyptian Farmer in the Last Century of Theadelphia. Bonn, 1978.

жизни» (καταφρονήσαντες τῆς τῶν καιρῶν εὐνοίας καὶ τῆς ἡμετέρας ἀπραγμοσύνης), т.е., очевидно, не христиане. В многочисленных других документах из архива Сакаона достаточно определенных свидетельств о его религиозной принадлежности нет, есть лишь расписка, выданная эпимелетом храма Гермеса из Мемфиса о выполнении литургии на работах для этого храма Сакаоном и комархами Теадельфии в 324 г. (р. Thead. 34.). Пользуясь позицией ἀπραγμοσύνης (миролюбия, несутяжничества) Зоила (принадлежавшего, возможно, к никейскому крылу церкви, не имевшему поддержки у местных чиновников), язычник (?), Сакаон вел себя по отношению к нему уверенно и бесцеремонно. Но в 341 г. последовало предписание императора Констанция о запрещении языческих жертвоприношений (см. Cod. Theod. XVI. 10.2), направленное против традиционных культов, и когда этот рескрипт дошел до таких окраинных поселений, как Теадельфия, он мог побудить диакона Зоила попытаться отстоять свои моральные и имущественные права (однако едва ли успешно, поскольку петиция попала в архив того же Сакаона).

Самый факт существования петиции диакона Зоила позволяет заключить, что уже в начале 340-х годов на окраинах Фаюма имелись церковные общины (парикии). В последующие 340–350-е годы число документов с упоминанием в Фаюме христианских общин и церковного клира постепенно возрастает. Так, помимо диакона Зоила в Теадельфии известны Аврелий Герон, диакон Береникиды (р. Lond. 412 = р. Abinn. 55), папа (πάπας) Аврелий Аммоний из комы Тауринос (р. Ross.–Georg. III. 28), папа Каор из комы Гермуполис (р. Lond. 417 = р. Abinn. 32), апа Миос из какой-то окраинной комы Фаюма (р. Lond. 413 = р. Abinn. 6 и др.), апа Исион, упоминаемый в письме апы Миоса (р. Abinn. 7). Такая же картина наблюдается, видимо, и в других номах. Представители церковного клира упоминаются и в официальных документах, например, в земельном реестре из Гермопольского нома, датируемом 332–350 годами (р. Flor. 71), числятся епископ Диос из Гермополя, епископы из Антиноуполя Аммоний, Арион, Макарий и пресвитер Панкртий и еще один пресвитер Панкратий, возможно из Гермополя. Несомненно, что во время отсутствия Афанасия многие из священнослужителей были рукоположены арианами.

Как уже говорилось, Афанасий и в изгнании продолжал поддерживать связи со своей епархией, направляя почти ежегодно «Праздничные послания» с извещением о времени начала поста и дня празднования Пасхи и своими наставлениями. Сохранились его послания 341 и 342 годов. Следует отметить, что в последнем (342 г.) нет резких обличений ариан и мелитиан, в конце он призывает паству «превзойти друг друга чистотою поста, бдением в молитве, упражнением в чтении Писаний, раздаванием милостыни бедным и примирением с врагами нашими; разсеянных постараемся соединить, высокомерию положить преграду и опять возвратиться к смирennemудрию, примирившись со всеми и всех братьев располагая к любви» (Творения. III. С. 497). Призывая к примирению, Афанасий, видимо, надеялся на какие-то соглашения в ходе подготовки и проведения вселенского собора в Сердике, но примирения не произошло. И хотя Сердикский собор опроверг обвинения против Афанасия и потребовал его восстановления на кафедре архиепископа Александрии, император Констанций не считал необходимым выполнять решения этого собора³⁸. Афанасий продолжал жить в Аквилее и лишь после вмешательства Константа смог вернуться в Александрию. Сократ Схоластик приводит весьма характерный фрагмент письма Константа своему старшему брату, подчеркивающий роль светской императорской власти во внутрицерковной борьбе: «Здесь при мне находятся Афанасий и Павел, которых, как я наверное узнал, преследуют за благочестие. Если ты дашь слово возвратить им престолы и наказать тех, которые понапрасну к ним привязываются, то я пошлю к тебе этих мужей. Если же не согласишься на это, то знай, что я сам приду туда, и без

³⁸ Возможно, Констанций откладывал возвращение Афанасия в Александрию до кончины тяжело больного архиепископа Григория, чтобы избежать возможных волнений. О болезни и смерти Григория см. *Афанасий*. Творения. III. Оглавления. С. 381–383.

твоего согласия возвращу им престолы их» (Н.Е. II.22). Угроза междоусобной войны заставила Констанция (воевавшего в это время с персами) уступить: епископ Павел был возвращен в Константинополь, а Афанасию было послано приглашение прибыть к императорскому двору.

Однако Афанасий не спешил отправиться в Константинополь, не доверяя обещаниям Констанция, выраженным в обтекаемых фразах. Не развеяло его сомнений и второе письмо Констанция и лишь после получения третьего письма, посланного с диаконом Ахитой, который должен был подтвердить реальность обещаний, Афанасий выехал из Аквилеи в Рим, показал письма императора Констанция римскому архиепископу Юлию и, заручившись его поддержкой³⁹, отправился в Константинополь. Констанций принял его милостиво и в подтверждение своего примирения с Афанасием и его сторонниками отправил три послания: в первом, адресованном всем епископам и пресвитерам, предписывалось, чтобы «всякое подозрение в отношении к нему (т.е. к Афанасию) было оставлено», все «прежние определения касательно лиц, имевших с ним общение, ныне преданы забвению», а «находящимся при нем клирикам надлежит вернуть прежние преимущества», епископы и клирики (сторонники Афанасия) впредь будут пользоваться безопасностью. В послании «Народу александрийской кафолической церкви» Констанций призывал всех к единодушию и согласию «по закону церкви», имея Афанасия своим «представителем и ходатаем перед Богом», в то же время предупреждал, что в случае каких-либо возмущений судьям дан приказ мятежников подвергать «строгости законов». В посланиях, отправленных префекту Несторию и епархам Аугустамники, Фиваиды и Ливии, предписывалось аннулировать распоряжения, наносившие вред и бесчестие сторонникам Афанасия и вернуть им прежний статус – как и других клириков освободить их от исполнения общественных должностей (Афанасий. Творения. I. С. 355–357).

Таким образом, Афанасий как будто бы получил возможность восстановить влияние сторонников никейского вероисповедания в александрийской епархии. Но уже из послания Констанция Несторию и епархам выясняется, что это может вызвать серьезное сопротивление ариан и внутри Египта и в других восточных епархиях. Это понимал и Афанасий. Памятуя о том, что его противники объявили его возвращение на александрийскую кафедру в 337 г. незаконным, так как не было отмены на церковном соборе решения о его низложении, объявленного Тирским собором в 335 г., Афанасий отправился в Египет через Сирию и Палестину с определенной целью: он убедил иерусалимского архиепископа Максима собрать собор епископов иерусалимской и сирийской епархий в 345 г., который отменил решения антиохийского собора 340 г., подтвердившего низложение Афанасия, и вернул ему прежнее достоинство. В июне 345 г. умер архиепископ Григорий и, в конце этого года Афанасий вернулся в Александрию. Его сторонники, по свидетельству Сократа Схоластика, Феодорита и других авторов, встретили его с ликованием, каких-либо столкновений с арианами внутри Египта, по-видимому, не было, но противники Афанасия из восточных епархий начали его обвинять в незаконном рукоположении пресвитеров в церквях, не входящих в его епархию. Однако общая ситуация в это время была относительно благоприятна для Афанасия, ему удалось удержаться в Александрии около 10 лет, хотя сведений о его деятельности в Египте в эти годы очень мало.

Еще по пути в Египет Афанасий направил краткое послание пресвитерам и диаконам своей епархии с указанием, что в 62 г. эры Диоклетиана (т.е. в 346 г.) Пасху следует праздновать 4 фармутха по египетскому календарю, т.е. 30 марта (а не 23 марта = 27 фаменотха, как считали в Египте) в соответствии с определением сердикского церковного собора (Творения. III, с. 500). В следующем 347 г. он обратился к пастве с большим «Праздничным посланием» с морально-этическими и религиозными наставлениями – толкованием некоторых библейских и евангельских изречений

³⁹ См. письмо епископа Юлия христианам Александрии и Египта, приведенное Афанасием в апологии против ариан – Творения. I. С. 352–354. – См. также *Socr. Sch.* Н.Е. II. 23.

по поводу различных иудейских и христианских празднований, осуждением жертвоприношений, призывом строго соблюдать пост. В конце послания он приводит список епископов, «поставленных» на место скончавшихся, это: в Сиене – Ниламмон, в Латополе – Мазис, в Коптосе – Псеносирис, в Панополе в помощь престарелому Артемидору – Арий, в Гипселе – Арсений, «после того, как он снова приобретен для церкви», в Ликополе – Евдемон, в Антиное – Арион, в Оксиринхе – Феодор, в Нилополе – Аматыс и Исаак «после их взаимного примирения», в Арсиноитиде – Андрей, в Просопонтиде – Триадельф, в Диосфаке («что на берегу моря») – Феодор, в Сайтоне (Саисе?) – Пафнутий, в Ксоисе – Феодор, «а при нем Исидор после того, как он снова приобретен для церкви», в Сефроитиде – Орион, в Клисме – Тифонас, а при нем Павел «после того, как он снова приобретен для церкви». Эта осторожная формулировка, трижды повторяющаяся в списке (причем все три указанные поселения находились на границе с пустыней), очевидно, означала, что названный епископ был возвращен из изгнания или заточения, но Афанасий не хотел отмечать это, чтобы не обострять сразу по возвращении свои отношения с арианами из имперской администрации и с местным арианским клиром.

О том, что обстановка в некоторых номах Египта была достаточно сложной, можно судить, например, по фаюмским папирусам из так называемого «Архива Абиннея»⁴⁰. С именем Флавия Абиннея, служившего в течение 8–9 лет префектом алы и начальником лагеря в Дионисиаде (крепости на северо-западе Фаюма на караванном пути в Малый Оазис), связано более 80 разного рода документов. Функции его были многообразны, в его деловой переписке – докладных, счетах, петициях, контрактах, письмах – засвидетельствовано около 300 имен, во многих документах присутствуют характерные для этого времени христианские приветствия и пожелания (ἐὐχόμεαι ἐν κυρίῳ θεῷ, сокращения *ку*; *хму* и т.п.). Среди этого множества документов, направленных Абиннею гражданскими и военными лицами, сохранились две петиции и четыре письма, авторами которых были диакон и два пресвитера христианских церквей Фаюма. Папа Каор из комы Гермуполь обращается с просьбой к Абиннею простить сбежавшего из лагеря в Дионисиаде стратигота Павла и обещает вернуть его в лагерь (р. Abinn. 32 = р. Lond. 417, письмо датируется примерно 346–347 гг.) Судя по тону и стилю это скорее деловое письмо, а не петиция. В ином стиле написана петиция диакона комы Береникиады Аврелия Герона, датированная 351 годом (р. Abinn. 55 = р. Lond. 412). Он жалуется, что некий Евпор, сын Гермия, из комы Филагриды разбойным способом проник в его дом, унес его одежду и пользуется ею, хотя Герон уличил его в этом. Герон просит Абиннея принудить грабителя вернуть украденную одежду, которая бесспорно принадлежит ему, так как он является диаконом τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας. Издатели переводят эти слова of the principal church, т.е. «главной (или основной) церкви». Но возникает вопрос, какую церковь Герон считал главной? В сочинениях архиепископа Афанасия словосочетание καθολικῆς ἐκκλησίας переводится как «вселенская церковь», имеется в виду церковь последователей никейского вероисповедания, к которой принадлежал и он сам. Не означает ли, что диакон Герон был сторонником Афанасия и, не находя поддержки у местных властей, обратился за помощью к начальнику лагеря в Дионисиаде префекту Абиннею? Характерна фраза в преамбуле петиции: «Если бы не управляла нами справедливость законов (ἡ τῶν νόμων ἀλήθεια), мы давно уже были бы разорены грабителями». Очевидно, Герон присваивает префекту Абиннею функции защитника закона и справедливости. В отличие от других адресованных Абиннею петиций, в этой нет просьбы довести до сведения дука суть жалобы, чтобы тот рассмотрел дело и наказал виновного. Не позволяет ли обращение диакона Герона к Абиннею высказать предположение о характере религиозной ориентации последнего?

Более определенную информацию в этом плане дают письма апы Миоса, но все его

⁴⁰ The Abinnaeus Archive. Papers of a Roman Officer in the Reign of Constantius II / Ed. Y.I. Bell, V. Martin, E.G. Turner, D. Van Berchem. Oxf., 1962.

четыре сохранившихся письма не датированы и установить время их написания и очередность можно лишь предположительно. Поводом для их написания были в основном повседневные дела и заботы: в одном из них апа Миос просит прислать на некоторое время сети для ловли газелей, портящих урожай (р. Abinn. 6), в другом (р. Abinn. 8) пишет о посланной по просьбе Абиннея партии вина, просит оплатить его и не задерживать доставивших вино погонщиков верблюдов; в третьем письме (р. Abinn. 19), начало которого утрачено и его принадлежность Миосу издатели установили по характерному обращению и адресу: τῷ ἀγαπῆτῳ ἀδελφῷ Ἀμινναίῳ, апа Миос просит Абиннея или освободить от рекрутского набора брата его жены, или не направлять его в полевую армию. Трудным для интерпретации представляется четвертое письмо (р. Abinn. 7), возможно, предшествующее ранее указанным, – в нем апа Миос пишет, что он настоятельно хотел увидеться с Абиннеем, но тот не пришел, тогда апа сам отправился к нему, но встретиться не удалось. Апа Миос предостерегает Абиннея от нерадивости в чем-то, напоминая, что «поэтому апа Исион...», но смысл этих слов остается неясным. Далее он пишет, что отправил Абиннею несколько «спатиа» (бутылей вина?) и еще дополнительно с посланным в Дионисиаду Гермасом, и просит сообщить, состоялось ли знакомство (συνήθεια)⁴¹. Думается, что смысл письма не сводится к переговорам о поставке вина, как предполагают издатели⁴², – в этом случае непонятно предостережение от нерадивости и упоминание апы Исиона. Не шла ли речь о каких-то церковных делах? Например, о функционировании церковной организации на территории Дионисиады? Заслуживают внимания и слова апы Миоса в р. Abinn. 6: «Мне известно о твоём усердии и твоей милости к нам, ради Господа Бога ты это делаешь» – и далее: «Ибо я знаю, что ты делаешь более того, о чем я прошу тебя». Письма апы Миоса в р. Abinn. 7 и 6, по-видимому, относятся к первым годам службы префекта Абиннея в Дионисиаде, за это время, можно думать, между ними установились дружеские отношения, и в следующем письме (р. Abinn. 19) апа Миос обращается к Абиннею с личной просьбой – освободить от рекрутской службы брата его жены и в то же время утешает самого Абиннея в связи с какими-то неприятностями, напоминая евангельское изречение: «(Давший) чашу воды одному из малых сих, не останется без вознаграждения своего. Пусть не тревожится твоя душа из-за трудностей, доверься Богу и он положит (им) конец». Последнее по времени письмо (р. Abinn. 8) – это короткая деловая записка, отправленная с погонщиками верблюдов, доставивших вино, в которой апа Миос просит (помимо оплаты за вино), если придут «братья», сделать мазь и прислать, и приглашает Абиннея: «И если есть свободное время, приходи к нам, чтобы увидеться». Таким образом, можно проследить постепенное сближение апы Миоса и префекта алы Флавия Абиннея.

Что же представляли собой эти люди, что их сближало? Апа Миос – пресвитер христианской церкви в одном из окраинных поселений Фаума, он имеет какие-то земли под посевами (их портят газели) и виноградник, позволяющий производить вино не только для своих потребностей, но и отправлять в лагерь Абиннею. У него есть жена (и едва ли можно его считать настоятелем монастыря), которая носит библейское имя Наоми. Под его властью или руководством есть какая-то группа людей, от их имени он пишет (γραφέμεθα) Абиннею и, посовещавшись с ними, (διαβλετόμεθα), отправляет в Дионисиаду Гермаса. Из четырех писем три, по мнению издателей, написаны одним и тем же писцом и лишь подписаны апой Миосом, при этом имя адресата пишется в местном произношении «Аминней» (Ἀμιννεος), и только р. Abinn. 7 написан одним почерком, видимо, самим апой Миосом и адресован τῷ ἀγαπῆτῳ καὶ ἀληθῶς ἀδελφῷ Ἀβιννέας – «возлюбленному и истинно брату Абиннею», т.е. в соответствии с латинской формой этого имени. Можно полагать, что апа Миос был достаточно образованным человеком, его письма носят не только деловой характер,

⁴¹ Издатели сближают процедуру συνήθεια с вручением «подарка» (sportula), см. The Abinneus Archive. P. 75.

⁴² Ibid. P. 46.

но и религиозно-наставительный, содержат сентенции, восходящие к текстам Библии и Евангелий. Так, вступительные фразы в р. Abinn. 7 «Возблагодарим Бога за совершенное здоровье твое и рвение, чтобы приумножить страх Господень в тебе, ибо все свершается благодаря страху Божию» издатели сближают с изречениями в Псалтыри (Ps. 110–111), слова о вознаграждении за милость в р. Abinn. 6 – с изречениями в Евангелии от Матфея VI. 1–4; фрагмент фразы в р. Abinn. 19 о «чаше воды одному из малых сих» совпадает с изречением в Евангелии от Матфея X, 42. Эти изречения апа Миос соотносил с деятельностью Абиннея, одобряя ее, поддерживая его в той сложной обстановке, в которой оказался Абинней в первые годы своей службы в Дионисиаде. Апа Миос, видимо, предполагал, что через Абиннея, префекта алы и начальника лагеря, он сможет воздействовать на христианизацию воинского подразделения в Дионисиаде (где, по свидетельству археологов, находилась статуя Фортуны⁴³, т.е. языческие верования и обряды еще не были искоренены) и тем самым упрочить позиции своей церкви.

Но к какой церкви принадлежал апа Миос? Хотя во время изгнания Афанасия в александрийской епархии господствовали епископы-ариане, но едва ли им удалось сменить всех пресвитеров, тем более в окраинных поселениях. Приведенные в письмах апы Миоса изречения из Библии и Евангелий не дают достаточных оснований для суждения о его вероисповедной ориентации, но кое-какие косвенные сведения можно извлечь из других папирусов из архива Абиннея, касающихся владельца архива.

Флавий Абинней, прослуживший в армии 30 лет, а последние годы в пограничных войсках в Верхнем Египте под командованием комита Сенеция, по его поручению доставил к императорскому двору посланцев блеммиев, а затем по приказу императоров, проводив их на родину, помог им достичь власти в своем племени. За эти заслуги он был удостоен чести *pupugam adorage* и в 340 г. назначен префектом алы, стоявшей в крепости Дионисиады. Но когда Абинней прибыл в Александрию и представил письмо о своем назначении, там в канцелярии дука Валация ему ответили, что на эту должность уже назначен другой человек. Абинней отправил петицию императорам (р. Abinn. 1), подчеркивая в ней противостояние местных властей Египта воле императора. Жалоба имела успех, и в начале 342 г. Абинней уже занимал пост префекта алы и начальника военного лагеря в Дионисиаде (р. Abinn. 44). Однако в 344 г. дук Валаций направил ему предписание сдать командование алой и все подведомственное ему имущество вновь назначенному префекту, так как срок его командования закончился (р. Abinn. 2). Но Абинней с этим не смирился, он вновь отправился в Константинополь и добился восстановления в должности: очередная петиция ему как префекту алы датирована весной 346 г. (р. Abinn. 47)⁴⁴.

Сложилась такая ситуация: Абинней, пользовавшийся милостью императора Констанция (активного сторонника ариан) и преданный ему (он назвал своего сына Константином), встретил враждебное отношение среди александрийской администрации, где после изгнания архиепископа Афанасия также преобладали, по-видимому, ариане. Определенно известно о принадлежности к арианам дука Валация. Афанасий в «Житии преподобного Антония» пишет: «Один же военачальник по имени Валакий немилосердно гнал нас христиан из усердия к злоименным арианам. Он был до того жесток, что бил дев, обнажал и наказывал бичами монахов» (Творения. III. С. 244). Правда, нет достаточных оснований объяснять враждебность Валация по отношению к Абиннею религиозными расхождениями, скорее всего он хотел видеть командиром гарнизона в Дионисиаде своего ставленника, а не протеже комита Сенеция. Но Абинней несомненно считал себя несправедливо обиженным, искал сочувствия и поддержки окружающих людей в новой для него среде и такую поддержку нашел со стороны апы Миоса (см. р. Abinn. 19). Почему же этот пресвитер так благожелательно отнесся к

⁴³ См. *Martin V. The Fortress of Dionysias // The Abinnaeus Archive... Introduction. P. 19–21.*

⁴⁴ Возможно, к этому трудному для Абиннея периоду относится письмо апы Миоса в р. Abinn. 19. О вторичном обращении Абиннея за помощью к императору см. *Turner E.G. The Career of Abinnaeus // The Abinnaeus Archive... P. 6–12.*

Абиннею? Может быть, потому, что сам испытывал какую-то враждебность со стороны местной администрации, т.е. не принадлежал к господствующему в эти годы арианскому направлению в христианской церкви? Но это можно высказать лишь как гипотезу. Хотя надо заметить, что после назначения префектом Египта Нестория⁴⁵, смерти Валация⁴⁶, возвращения в Александрию архиепископа Афанасия и рукоположения им нового епископа Арсиноитиды Андрея упрочилось и положение командира гарнизона в Дионисиаде: префект алы Абинней оставался в своей должности до смерти или отставки по старости – последний датированный документ р. Abinn. 55 относится к 351 г., это рассмотренная выше петиция диакона Герона. К сожалению, ничего определенного нельзя сказать об апе Миосе, может быть, р. Abinn. 8 – деловая записка, адресованная Абиннею, по поводу оплаты за отправленное ему вино и с приглашением посетить апу Миоса относится именно к этому времени.

Смена руководства в имперской администрации Египта и примирительная позиция императора Констанция по отношению к Афанасию и его сторонникам, очевидно, способствовали нормализации обстановки и в других номах. Это находило отражение не только в повышении роли церковного клира в экономической жизни – выше уже приводились сведения из земельного реестра Гермопольского нома (р. Flor. 71) о земельных владениях епископов и пресвитеров, но и в правовой практике: в р. Lips. 43 (= Mitt. Chr. 98) из Гермополя речь идет о том, что епископ Плусиан в портале кафолической церкви выносит решение по судебному спору о разделе имущества в присутствии булевта Диоскорида и еще двух-трех лиц, в том числе диакона. В р. Ross. Georg. III, 28 сохранился брачный контракт между Аврелием Асепом из комы Тауринос в Фаюме и Апией, дочерью Арона, записанный (засвидетельствованный) пресвитером из той же комы Аврелием Аммонием (в 343 или 358 г.)

Вместе с тем языческие традиции продолжали удерживаться среди народа, несмотря на указы о запрещении жертвоприношений (Cod. Theod. XVI. 10. 2 от 341 г.) и закрытии языческих храмов (Cod. Theod. XVI. 10. 4 от 346 или 354 г.). Так, Аврелий Тониос, жрец Зевса, Геры и других богов, заявляет под присягой логисту Оксиринха в 336 г., что жреческий сан он унаследовал от отца (р. Оху. X. 1265). Такое официальное засвидетельствование жреческой должности в то время, видимо, еще имело какое-то существенное значение. В 342 г. в том же Оксиринхе оформляется контракт на охрану храма богини Тхоэрис (р. Оху. XIV. 1627). В упоминавшемся выше земельном реестре из Гермополя (р. Flor. 71) среди антинопольских землевладельцев названы жрецы (ἱερεῖς) Лютис и Северис и астролог Фойбамон.

Архиепископ Афанасий, очевидно, понимал, что столкновения с арианами не укрепляли авторитет христианской церкви и даже в какой-то мере способствовали сохранению язычества, поэтому после возвращения в Египет стремился сгладить противоречия: не смешал с кафедр старых епископов, своих сторонников, реабилитированных Констанцием, ставил на освободившиеся кафедры, а на занятые – в качестве заместителей или помощников. Так, например, в «Праздничном послании» 347 г. сообщается, что в Панополе Арий поставлен помощником престарелого Артемидора, «вновь приобретенные для церкви» поставлены: Исидор при Феодоре в Ксоисе, Павел при Тифонасе в Клисме. Как уже говорилось, в праздничных посланиях 346–348 годов уже нет упоминаний об арианах, лишь в общей форме осуждаются еретики. «И как могут упражняться в делах справедливости те, которые стремятся к насилию? Как может любить тот, кто вознамерился ненавидеть? Как может иметь любовь (к Богу) тот, помыслы которого обращены к маммоне?» – пишет Афанасий, «...мир подобен

⁴⁵ Согласно вычислениям Кл. Вандерслеяна, Несторий занимал должность префекта Египта с 1 января 345 г. по 31 декабря 352 г. (Op. cit. P. 16).

⁴⁶ Афанасий в «Житии преподобного Антония» рассказывает, что Антоний написал Валацию: «Вижу грядущий на тебя гнев Божий. Перестань гнать христиан, иначе гнев постигнет тебя. Ибо он уже готов поразить тебя», но Валаций бросил письмо на землю, плюнул на него и пригрозил Антонию, однако через несколько дней во время поездки с префектом Несторием в Хереус попал в дорожное происшествие и скончался (Творения. III. С. 244).

морю... как на море существует буря и волнение, точно также в мире много бедствий и искушений», нетвердым в вере не достаёт силы противостоять трудностям, верующие же «не ослабевают при искушениях, но терпят все до конца». «Кто возбуждает среди братий разделения и раздоры, тот отступил от истины» (Творения. III. С. 509–510). Празднуя Пасху, пишет он в «Праздничном послании» в 348 г., христиане получают успокоение, рассеянные собираются вместе, потерянные находят обретение, находившиеся в удалении становятся близкими (там же, с. 513).

Возможно, Афанасию удалось смягчить противостояние своих сторонников и ариан в Египте, но за его пределами среди церковного руководства восточных епархий враждебность к Афанасию не уменьшалась. Как уже говорилось, сразу по возвращении его в Александрию его стали обвинять в превышении своих полномочий, речь шла о рукоположении последователей догмата Никейского собора на территории арианских епархий, но эти обвинения не оказали влияния на Констанция. Положение осложнилось после убийства императора Константа по приказу узурпатора Магненция: Афанасий и сторонники никейского вероисповедания лишились главной политической поддержки, а Констанций, теснимый на востоке персами, оказался втянутым в войну с узурпаторами на западе – Магненцием и Ветронианом. Опасаясь новой волны преследований, Афанасий начал писать «Апологию» – «Защитительное слово против ариан», в котором изложил обстоятельства двух своих изгнаний в 336 и 340 гг., привел сфальсифицированные арианами обвинения против него, свои оправдания, отношение к ним императора и соборов и главное – суждения о нем как епископе в письмах Константина I и Константина II (см. Творения. I. С. 287–398). Тем временем противники Афанасия из арианского окружения Констанция не оставляли намерения лишить его кафедры архиепископа Александрии. Не имея возможности использовать какой-либо внутриегипетский материал, они стали внушать Констанцию, что Афанасий был главным виновником в его столкновениях с братьями, а во время войны с Магненцием его обвинили в переписке с узурпатором, главное же – с именем Афанасия связывали непрекращающиеся распри в церковной среде.

Поэтому как только внешние угрозы в основном миновали и перед Констанцием, теперь единственным правителем всей Римской империи, встала задача упрочения ее внутренней стабильности, он, следуя примеру отца – Константина I, посчитал своей главной опорой в решении этой задачи христианскую церковь, но арианского направления как более близкую ему по убеждениям и экономически зависимую от имперской власти в восточных диоцезах. И естественно, что первым объектом религиозной политики Констанция стала александрийская церковь, возглавляемая наиболее последовательным противником арианства архиепископом Афанасием, который к тому же пользовался авторитетом в римской церкви и имел дружеские связи со многими епископами западной половины империи.

Наиболее верным способом избавиться от Афанасия император и его окружение считали отлучение его от церкви и тем самым смещение с александрийской епископии. Однако попытка решить этот вопрос на соборе в Арелате в 353 г. не удалась: западные епископы отказались обсуждать этот вопрос в отсутствие Афанасия. Тогда Констанций попытался через своих чиновников принудить Афанасия покинуть Александрию. Об этом Афанасий рассказывает во второй своей апологии – «Защитительном слове перед императором Констанцием», написанном уже в изгнании в 356–357 гг. (Творения. II. С. 41–76). В этой апологии прежде всего он изобличает лживость обвинений в «злоречии» в отношении Констанция с целью поссорить его с младшим братом, решительно отрицает обвинение в переписке с Магненцием и требует вызвать на допрос доносчика и писцов, объясняет причину проведения пасхальной службы в новой церкви до освящения ее императором теснотой старой церкви и оправдывается, почему не покинул Александрию по первому же повелению императора. Оказывается, что, видимо, еще в 353 г. (во время собора в Арелате?) Афанасий получил письмо от императора с разрешением выехать ему в Италию будто бы в ответ на его просьбу. Но, как пишет Афанасий, он с такой просьбой к императору не обращался и потому

счел полученное предписание результатом недоразумения, вызванного кознями врагов, ибо незадолго до этого⁴⁷ Констанций писал ему: «Желаем по изволению нашему во всякое время быть тебе епископом на месте своем» (Творения. II. С. 61).

В 355 г. по повелению императора был созван собор в Медиолане, съехались преимущественно епископы из западных провинций, из них многие придерживались никейского вероисповедания, и Констанцию с трудом удалось добиться низложения Афанасия. Некоторые из них, наиболее активно выступавшие против его осуждения (римский епископ Либерий, епископы Павлин триверский, Дионисий и Евсевий италийские и другие), лишились своих епархий и были сосланы (Socr. Sch. H.E. II. 36; Theodorit., H.E. II. 15–16). Видимо, сразу же после решений Медиоланского собора в Александрию был направлен нотариус Диоген с требованием к Афанасию покинуть епископскую кафедру, но тот не подчинился, такое же требование предъявил дук Сириан. Но, как пишет Афанасий, он требовал от представителей имперской администрации не словесных извещений, а письма императора с соответствующим предписанием, чтобы не было оснований для обвинения его в самовольном оставлении кафедры (чтобы не оказаться «беглецом, оставившим церковь» – Творения. II. С. 62), и так как народ поддерживал Афанасия, дук Сириан и префект Максим обещали сообщить об этом императору.

Однако через три недели поступило распоряжение захватить Афанасия с помощью военной силы. Вот что рассказывает об этом Афанасий в «Защитительном слове (апологии) по поводу своего бегства»: была уже ночь, оставшиеся для всенощного бдения ожидали службы, вдруг появился дук Сириан с отрядом вооруженных воинов, окружил церковь, плотно поставив воинов, чтобы никто не мог ускользнуть. «Считая делом неразумным при таком смятении оставлять народ» Афанасий остался на своем месте, велел диакону читать 135 псалом (славящий Господа), молящимся подпевать «Ибо вовек милость Его», а народу постепенно расходиться. После того как Сириан и воины силой заняли святилище, миряне и клирики подняли крик, просили его удалиться, но лишь когда большая часть народа вышла, монахи и клирики увлекли его с собой (Творения. II. С. 95–96).

После изгнания из церкви и бегства Афанасия епископом Александрии был поставлен арианин Георгий из Каппадокии, началась расправа со сторонниками Афанасия, около 90 епископов в Египте и Ливии были отстранены, церкви переданы арианам, 16 епископов сосланы (или 17, см. Socr. Sch. H.E. II. 28), многие бежали. В «Защитительном слове перед императором Констанцием» Афанасий приводит текст послания императора александрийцам, в котором Констанций заявляет, что своим благоволением к городу он затмил самого Александра Македонского, хотя большая часть жителей находится в слепоте, ею овладел человек, «исшедший из самой крайней низости». Для императора и его окружения Афанасий – «человек из народной толпы», «ничем не отличающийся от чернорабочих», нарушитель общественного спокойствия и потому следует не только изгонять «пагубного Афанасия, уличенного в таких гнусных деяниях, что никогда не понесет достойной казни, хотя бы десять раз отнята у него была жизнь», но и преследовать «его лстецов и прислужников», людей, которых «издавна уже повелено судьям предавать смерти», однако они, может быть, не подвергнутся смерти, если отпадут от прежних заблуждений. Восхваляя епископа Георгия, император советует всем жителям города «отступить от приверженности к Афанасию», чтобы не подвергать себя опасности и чтобы «не иметь нам нужды ни в сечениях, ни в прижиганиях для уврачевания людей, испорченных сердцем» (Творения. II. С. 67–69). Афанасий приводит также письмо императора Констанция правителям Аксума, в котором предписывается, опираясь на прежнее повеление, «чтобы у вас в церквах имело силу одно и то же с нами учение», прислать в Египет для суда над ним

⁴⁷ В «Оглавлении» под 350 г. указывается, что Констанций писал Афанасию: «Чтобы он не приходил в страх по случаю смерти Констанса, а точно также полагался на него, как и на того, когда он был жив» – Творения. III. С. 384.

епископа Фрументия, рукоположенного Афанасием. Если Фрументий с готовностью явится и даст отчет, то будет вновь поставлен епископом (там же, с. 70–71).

В конце этой апологии Афанасий обвиняет ариан в превышении строгости при исполнении предписаний Констанция в отношении своих сторонников. Под влиянием ариан угрозы императора могут привести к убийству Афанасия и других епископов, поэтому, узнав о посланиях императора, он вновь удалился в пустыню. Тем не менее свое «Защитительное слово перед императором Констанцием» Афанасий заканчивает выражением надежды, что император ограничится лишь угрозами, в том числе и в его адрес, и просит принять его оправдания и вернуть из ссылки всех клириков.

Приведенные Афанасием в апологии письма императора дают важную информацию и о ситуации в египетской епархии и о самом архиепископе. Тот факт, что угрозы суровых наказаний (вплоть до смертной казни) в адрес наиболее верных сторонников Афанасия, т.е. последователей никейских догматов и противников ариан, сочетаются с обещаниями освободить от наказания в случае отказа от прежних заблуждений, свидетельствует, с одной стороны, о применении прежней (как во время гонений) административной практики имперских властей в области религии, с другой – о сравнительно слабых позициях арианства в Египте и большом влиянии Афанасия. Характеристика Афанасия в письме Констанция к александрийцам («человек из охлоса», «ничем не отличающийся от чернорабочих»), должная с позиций светской и церковной знати вызвать пренебрежение, видимо, отражает как раз те черты его облика (аскета и проповедника), которые привлекали к нему простой народ Александрии и Египта.

Итак, Афанасий с 356 г., по словам императора Констанция (в письме к правителям Аксума), «блуждает в мире, не находит нигде места, переселяется из одной стороны в другую» (Афанасий. Творения. II. С. 70). Во время этого изгнания, длившегося с 356 до 362 г., Афанасий скрывался преимущественно среди монахов в пустынях Фиваиды и Ливии, но временами появлялся и в Александрии и даже будто бы на церковном соборе в Селевкии Исаврийской⁴⁸. В этот период им написаны многие его сочинения – уже упоминавшиеся апология, адресованная императору Констанцию, и апология по поводу бегства во время его преследования дуком Сирианом, основные догматические и историко-полемические сочинения: четыре слова против ариан (принадлежность четвертого Афанасию оспаривается), послания к Серапиону, епископу тмуитскому, «Окружное послание епископам Египта и Ливии против ариан», «История ариан в послании к монахам», «Послание о соборах в Аримине и Селевкии Исаврийской», «Житие преподобного Антония» и ряд других произведений.

Даже скрываясь от преследований имперской администрации и арианского епископата, Афанасий продолжал по мере возможности руководить египетской епархией. Так, в Окружном послании епископам Египта и Ливии он перечисляет епископов-ариан, сочинениям которых не следует доверять, это – Секунд Пентапольский, Георгий из Лаодикеи, Леонтий-скопец, Стефан и Феодор из Гераклеи и известные Урсакий, Валент, Акакий, Патрофил и др. Афанасий просит не поддаваться их влиянию и доверять лишь сочинениям великого Осии (епископа Кордовы), Максимиана (епископа Галлии), Юлия и Либерия (епископов Рима), Киприана (епископа Мисии), Писта и Ариста (епископов Эллады), Цецилиана (епископа Африки), Александра (епископа Константинополя), Макария (епископа Иерусалима), блаженного Александра (епископа Египта) и других православных епископов Дакии, Италии, Сицилии, Каппадокии, Гераклеи, Армении, Понта, Киликии, Месопотамии. К сожалению, история не сохранила «Праздничных посланий» Афанасия за эти годы, дошли лишь несколько фрагментов, извлеченных будто бы из пасхальных посланий за 356 и 357 гг., возможно, в последующие годы он не писал их.

Скрываясь в монашеских киновиях⁴⁹, Афанасий считал своим долгом и в их среде

⁴⁸ О присутствии Афанасия на соборе в Селевкии Исаврийской см. *Спасский*. Ук. соч. С. 398. Прим. 1.

⁴⁹ О монашестве в Египте в IV в. см. *Ванькова А.Б.* К вопросу о численности монахов в Египте во второй половине IV в. // ВДИ. 1998. № 3. С. 164–174.

вести проповедническую борьбу с арианством. Он дважды обращается с посланиями к монахам: первое, адресованное, видимо, монахам своей епархии – «Всем, которые повсюду в области сей подвизаются» (Творения. II. С. 103–105), содержит лишь краткое осуждение арианской ереси; во втором, направленном «Монахам, повсюду пребывающим» (там же, с. 105–176), идет речь о преследованиях арианами тех, кто следует никейскому вероопределению начиная со времени прихода к власти императора Констанция, рассказывается об ограблении с помощью язычников православных церквей, о корыстолюбии и жестокости ариан, покровительствуемых комитом Ираклием, епархом Катафронием⁵⁰, католикосом Фаустином, дуком Себастианом (манихеем) и еретиком Вифином, об изгнании верных Афанасию епископов, разорении монастырей, о назначении епископами молодых язычников по принципу их богатства и влияния в обществе, о засилье в церкви бывших язычников, думающих, что «церковь тот же сенат» (Творения. II. С. 170). В отличие от «Апологии перед Констанцием» в послании монахам дана явно отрицательная характеристика императора, он обвиняется в покровительстве «самой нечестивой ереси» (там же, с. 166). Вероятно, к этому же времени открытого противостояния с арианством относится найденная в Фивах надпись, содержащая письмо архиепископа Афанасия к монахам с призывом не следовать арианству (μὴ φρονεῖν τὰ Ἀρείου – SB. V. 8698)⁵¹.

Отлученный и преследуемый Афанасий не мог участвовать на церковных соборах в Аримине и Селевкий⁵², тем не менее в послании «О соборах, бывших в Аримине италийском и в Селевкий Исаурийской» он пишет, что считал подобающим «довести до вашего сведения, что сам видел и узнал в точности» (Творения. III. С. 92). Возможно, речь идет о виденных им текстах документов, обсуждавшихся на соборах, и о соборных посланиях, копии («списки») которых Афанасий приводит в послании. В этом сочинении Афанасий опровергает как еретические арианские формулы исповедания, начиная с «Ариевоу хулы» и письма ариан архиепископу Александру, а затем в текстах, обсуждавшихся на соборах в Иерусалиме в 335 и 341 гг., в Антиохии в 341 и 344 гг., в Сирмии в 351 и 357 гг., в Селевкий Исаурийской в 359 г. Отстаивая определение «единосущия» Отца и Сына и указывая на ошибочность термина «подобосущный», Афанасий высказывает все же надежду на прекращение всякой распри и словопрений (Творения. III. С. 164). В «Послании» не указано, кому оно адресовано, но, как кажется, не столько внешнему миру, сколько своей епархии – египетской и александрийской пастве, разобщенной и догматическими спорами (в Александрии господствовали ариане, в 356 г. начал проповедывать Аэций, основоположник ереси аномеев) и имущественным расслоением, появлением нового поколения церковного клира преимущественно из ариан, стремившихся к званиям пресвитеров и епископов ради связанных с ними почестей и доходов, о чем писал Афанасий в послании к монахам.

Папирусы также подтверждают наличие очень богатых людей среди клира, например, среди землевладельцев в Гермопольском номе числится епископ Диос, владевший земельными участками площадью более 460 аруров⁵³. Одним из богатейших людей

⁵⁰ Согласно Chronicon acephalon. 5, Катафроний прибыл в Александрию для вступления в должность префекта в июне 356 г. (Vandersleyen. Op. cit. P. 124), т.е. вскоре после изгнания Афанасия.

⁵¹ Возможно, не только образ их жизни, но и длительное общение монахов с архиепископом Афанасием способствовало преобладанию в их среде ортодоксального христианства. Можно думать, что слова ап. Шенуте, обращенные к Господу: «Или Ты не видишь, что греки, и язычники и безбожники не могли уразуметь Тебя, потому что не удосужились в своем безверии и в своих нечистотах?» (Шенуте. Против Кроноса. II // Изречения египетских отцов. Памятники литературы на коптском языке. СПб., 1993. С. 181), перекликаются с упреками архиепископа Афанасия, адресованными иудеям, еретикам и арианам в том, что «они были нерадивы и не позаботились о достижении истинного познания», не «уразумели откровенное Божие учение» (Творения. III. С. 507).

⁵² О возможном присутствии Афанасия на соборе в Селевкий Исаурийской см. выше прим. 48.

⁵³ Укажем для сравнения на сохранившиеся в P. Thead. 17 = P. Sacaon. 44 данные о земельных владениях комы Теадельфии Арсиноитского нома: в 332 г., согласно петиции комархов, эта приходская в упадок кома платила налоги с 500 аруров.

Александрии стал архиепископ Георгий, занявший кафедру после изгнания Афанасия в 356 г. Сын ремесленника (шерстобитного мастера) из Каппадокии, он приобрел опыт предпринимательства, а затем и богатство до вступления в церковный клир (Amm. Marc. XXII. 11; Epirh. Haeres. 76), в Александрии он активно включился в деловую жизнь: получил как глава церкви монополию на торговлю солью, селитрой, папирусом, на организацию похорон. Его экономические мероприятия затрагивали интересы всех слоев населения, действовал он в контакте с городскими властями, по его совету были обложены налогом все дома Александрии, при его поощрении и попустительстве шло ограбление языческих храмов (и православных церквей?). Высокомерный, жестокий и корыстолюбивый, он вызвал ненависть населения Александрии и на посту архиепископа держался лишь благодаря поддержке императора Констанция и военной силы. По свидетельству Аммиана Марцеллина (XXII. 11. 5–6), Георгий унился до роли доносчика: «перед Константием, который имел склонность допускать наущничество», он «оговаривал многих, будто бы они не повинуются его приказаниям».

С приходом к власти императора Юлиана сменилась центральная и провинциальная администрация: префекта Фаустина, упоминаемого в письмах Афанасия 359–361 гг., сменил в ноябре 361 г. префект Геронтий (Chronicon Achefalon. 8; 10), по адресованной Юлиану жалобе александрийцев был казнен дук Артемий (Amm. Marc. XXII. 11. 2). В этой обстановке нарастающая общая враждебность к Георгию привела к стихийному взрыву и расправе с епископом⁵⁴ в день митраистского празднования Dies Natalis Solis Invicti – 24 декабря 361 г. Вот что рассказывает об этом Сократ Схоластик: на запустевшем участке, ранее принадлежавшем митраистам и переданном христианам императором Константием, архиепископ Георгий решил построить «молитвенный дом» (церковь). При расчистке участка на большой глубине была открыта священная пещера, где совершались языческие таинства, и найдены черепа людей. Открывшие пещеру «христиане нарочито старались выставить языческие таинства всем на посмеище. Видя это... александрийские язычники воспламенились гневом, схватили какое случилось оружие и, напав на христиан, умертвили многих различным образом» (Socr. Sch. H.E. III. 2). А затем «язычники, вытащив Георгия из церкви, привязали его к верблюду, терзали и потом сожгли вместе с верблюдом» (там же). Аммиан Марцеллин, также рассказывающий о гибели архиепископа Георгия, не упоминает об осквернении памятника митраистского культа, но добавляет, что одновременно с Георгием были растерзаны начальник монетного двора Драконций (разрушивший недавно воздвигнутый на монетном дворе жертвенник) и комит Диодор, ведавший постройкой церкви, все трое были сожжены и их прах был брошен в море из опасения, «что христиане, собрав их останки, воздвигнут им церкви», подобно мученикам (Amm. Marc. XXII. 11. 9–10).

Узнав о событиях в Александрии, император Юлиан в послании к александрийцам (Julian. Epist. 60), осудив их за незаконную расправу с архиепископом Георгием, в то же время пишет, что он заслуживал бы и по суду не менее сурового наказания, и возлагает на него вину за прежние волнения в Александрии⁵⁵, вызванные расхищением ценностей из храма Сераписа, когда дук Артемий «осмелился послать против вас солдат – несправедливо, незаконно и безбожно, – наверх, боясь Георгия еще больше, чем Констанция». Так как в расправе с архиепископом Георгием, Драконцием и Диодором инициатива принадлежала язычникам, Юлиан, осуждая «дерзость народа», ограничился лишь этим посланием с «увещательными словами».

В первые же месяцы своего правления император Юлиан наряду с восстановлением закрытых при Констанции языческих храмов издал указ о возвращении из ссылки

⁵⁴ Об этом событии сообщают: Socr. Sch. H.E. III. 2; Amm. Marc. XXII. 11; Sozomen. V. 7; Philostorg. VII. 2.

⁵⁵ В «Оглавлении» к праздничным пасхальным посланиям указывается, что на 358 г. праздничное послание не было составлено, так как архиепископ Афанасий скрывался, а «Георгий покинул город 5 паофа, преследуемый народной толпой» – Творения. III. С. 387.

христианских епископов⁵⁶ («галилеян») и возвращении их частного имущества. В то же время христианские храмы и христиане должны были вернуть похищенное из языческих храмов. В соответствии с этим указом архиепископ Афанасий в месяце мехир, т.е. в начале февраля 362 г., вернулся в Александрию. По сообщению Сократа Схоластика, «народ александрийский принял его с радостью», Афанасий снова занял кафедру архиепископа, и большая часть паствы, храмов и молитвенных домов вернулась под его руководство, однако часть молитвенных домов в епархии осталась под властью ариан и они «на место Георгия рукоположили Лукия» (Socr. Sch. H.E. III. 4). Одновременно в Египте, как и в других провинциях, возобновляется отправление языческих египетских и греко-римских культов, восстанавливаются храмы, вводятся сборы на их содержание. Сохранилось, например, письмо сюстата (представителя) одного из кварталов Оксиринха Аврелия Мусы, адресованное логисту Флавию Псоуйту, с рекомендацией Аврелия Закаона на должность надсмотрщика за сборами в пользу храма Августа в Александрии (р. Оху. 1116), датированное 363 г.

Под угрозой реставрации язычества, настойчиво проводившейся императором Юлианом, догматические споры среди христиан потеряли прежнюю остроту, появилась тенденция к примирению, и Афанасий, еще в середине 350-х годов призывавший к единению, сразу после возвращения из изгнания в 362 г. собрал – совместно с возвращавшимися из ссылки в Фиваиду епископами Люцифером (из Сардинии) и Евсевием (из Веркелл в Галлии) и епископами из Италии, Ливии, Египта и Аравии – Александрийский собор⁵⁷. Участники собора сформулировали четкое определение понятий «сущность» и «ипостась», подтвердили исповедание «трех ипостасей» и обратились к антиохийской и другим епархиям с призывом воссоединиться на принципе признания никейского догмата веры. Сохранившееся в трудах Афанасия обращение к антиохийцам подписали вместе с Афанасием епископы его епархии: Евсевий и Астерий из Александрии, Гай из Паратония, Агаф из Фрагона (Елеархия), Аммоний из Пахнемуниса (Елеархия), Агатодаймон из Схедии и Менелайта, Драконтий из малого Гермополя, Адельфий из Онуфа лихнийского, Ермион из Таниса, Марк из Зигров близ Ливии, Феодор из Атрибиса, Андрей из Арсиноиты, Пафнутий из Саиса, Марк из Филы, Зоил из Андрополя, Мина из Антифрона, а также присланные от епископа Люцифера диаконы Ерений и Агапит, от епископа Паулина диаконы Максим и Калимер и некоторые монашествующие от епископа Аполлинария («Свиток к антиохийцам». – Творения. III. С. 166–175).

Активная деятельность Афанасия вызвала резкое недовольство императора Юлиана, он расценил ее как противодействие его стремлению возродить языческие культы. В письме к александрийцам он обвинил Афанасия, возвратившегося на епископскую кафедру без эдикта императора, в нарушении закона, так как «галилеянам» было разрешено «возвратиться на родину, но не в свои церкви» (Epist. 110), и предписал немедленно покинуть город, грозя наказанием. Но особенно возмутило Юлиана прошение александрийских христиан вернуть Афанасия на архиепископскую кафедру. Он ответил новым длинным посланием александрийцам (Epist. 111) с осуждением христианства и проповедью язычества, с резко отрицательным отзывом об Афанасии («интриган», «не человек, а жалкий человечешко») и приказанием ему не только уйти из города, но и покинуть Египет. В письме префекту Египта Екдикию (Epist. 112) император требует до декабрьских календ (т.е. до 1 декабря 362 г.) изгнать из Египта «врага богов» Афанасия, осмелившегося «склонить к крещению знатных эллинских женщин».

Итак, в 362 г. Афанасий около 10 месяцев занимал епископскую кафедру и в конце года вновь вынужден был скрываться. По рассказу Сократа Схоластика (H.E. III. 14), Феодорита (H.E. III. 9) и других авторов, Афанасий направился по реке в Фиваиду, но,

⁵⁶ Об этом сообщают: *Rufin.* H.E. X; *Socr. Sch.* H.E. III. 1; 24; *Theodorit.* H.E. III. 4; *Philostorg.* VI. 7; *Sozomen.* V. 5.

⁵⁷ Высокая оценка и подробное изложение итогов деятельности Александрийского собора 362 г. даны в обзоре догматических движений IV в. в книге: *Снацкий.* Ук. соч. С. 425–437.

узнав о преследовании, вернулся в Александрию и скрывался в городе до прекращения гонения. Однако в «Оглавлении» сообщается, что праздничное послание в 363 г. Афанасий отправил из Мемфиса и лишь когда стало известно о гибели императора Юлиана в персидском походе и провозглашении императором Иовиана, он «тайно во время ночи пришел в Александрию» (Творения. III. С. 389). Но, вероятно, чтобы избежать на этот раз обвинений в самовольном занятии кафедры, 70-летний Афанасий отправился в Антиохию в сентябре 363 г., когда туда прибыл Иовиан для получения от него санкции. Так как Иовиан придерживался никейских догматов вероисповедания, «он грамотою утвердил александрийского епископа Афанасия, который тотчас после смерти Юлиана принял в управление александрийскую церковь, и по силе царской грамоты, получив тогда более свободы, избавился от всякого страха» (Socr. Sch. Н.Е. III. 24). В «Послании к императору Иовиану» Афанасий, согласно пожеланию «боголюбивейшего Августа», кратко изложил основы никейского вероопределения и его искажение еретиками Арием и его последователями.

Неожиданно в феврале 364 г. Иовиан скоропостижно скончался и над Афанасием вновь нависла угроза изгнания. Власть в восточной половине Римской империи оказалась в руках императора Валента, находившегося в вопросах религии под влиянием архиепископа Константинополя Евдоксия, убежденного арианина. По указу Валента о ссылке всех епископов, сосланных Констанцием и вернувшихся при Юлиане, в 365 г. Афанасий вновь вынужден был уйти в изгнание⁵⁸. На этот раз, по свидетельству Сократа Схоластика, он скрывался в гробнице своего отца в течение четырех месяцев, его отсутствие вызвало недовольство народа, и Валент, «узнав о действительной причине беспокойства в Александрии, повелел указом Афанасию безбоязненно управлять церквами» (Н.Е. III. 13). В «Оглавлении» события этого года излагаются несколько иначе: сообщается, что христиане завладели Кесарионом (храмом Цезаря), что епископа опять стали преследовать враги и он удалился в поселение при новом канале, но «по прошествии нескольких дней» пришли к нему нотариус Брасид и эпарх и «содействовали» его возвращению, а 27 эпифа = 21 июля 365 г. произошло землетрясение, сопровождавшееся на восточном побережье выступлением «из своих пределов» моря, из-за чего многие лишились жизни и произошли значительные опустошения (Творения. III. С. 389–390; о землетрясении упоминает и Сократ Схоластик. – Н.Е. III. 3). Не связаны ли эти события между собой? Афанасия, изгнанного в марте, через четыре месяца под давлением народа, напуганного землетрясением, власти могли просить вернуться.

В последующие годы нет сведений о каких-либо притеснениях Афанасия со стороны имперской администрации, но жизнь его едва ли была спокойной. В «Оглавлении» праздничных посланий сообщается, что в 366 г. произошло возмущение язычников, сгорел Кесарион, отнятый у них годом раньше, многие граждане потерпели большие бедствия. До конца своей жизни Афанасий в своих сочинениях продолжал отстаивать сформулированные на Никейском соборе основы вероисповедания и опровергать арианские и подобные им догматические построения, но в повседневной церковной практике он не был непримиримым. Как уже говорилось, он был инициатором Александрийского собора 362 г., где наметилось сближение сторонников догмата о «единосущии» Отца и Сына (ὁμοούσιος τῷ πατρί) и догмата их «подобосущия» (ὁμοιοούσιος). В Александрии в это время было по существу два архиепископа: ариане, как уже говорилось, после гибели архиепископа Георгия на его место рукоположили Лукия. В «Свитке к антиохийцам» (Творения. III. С. 166) среди присутствующих на Александрийском соборе назван и епископ Лукий, но он не упоминается среди подписавших это послание. Когда император Юлиан приказал изгнать Афанасия из Александрии и Египта, его предписание, очевидно, было благоприятно для Лукия, так же как и изгнание Афанасия в 365 г. Упрочение положения Афанасия, согласно указу Валента, видимо, вызвало какие-то осложнения в междущерковных отношениях. В

⁵⁸ См. Флоровский. Ук. соч. С. 28.

«Оглавлении» к «Праздничным посланиям» есть сообщение, что в сентябре 367 г. «Лукий пытался овладеть церковью 26 тога; он скрылся в одном доме около святого святых храма, и когда епарх Тациан и дук Траян выпроводили его оттуда, он оставил город и был таким образом чудесно спасен, так как народные толпы искали убить его» (Творения. III. С. 390). Трудно сказать, какое отношение к этим событиям имел Афанасий.

Как обычно, Афанасий ежегодно направлял во все церкви своей епархии «Праздничные послания» с извещением о датах начала поста и празднования Пасхи и догматическими наставлениями, но, к сожалению, многие «Послания» не сохранились. В 367 г. Афанасий составил «Канон Божественных Писаний» и обнародовал его в очередном «Праздничном послании», чтобы предостеречь свою паству от апокрифических (тайных и ложных) сочинений. Он включил в канон 22 книги Ветхого завета и книги Нового завета (четыре Евангелия, Деяния апостольские, семь соборных апостольских посланий, 14 Посланий апостола Павла и Откровение Иоанна), однако, назвав канонические книги – «сии суть источники спасения; ...в них только возвещается наставление в благочестии» (Творения. III. С. 520), Афанасий добавляет к ним книги, которые, как он пишет, назначались Отцами для чтения вновь приходящим, желающим «приступить к оглашению и изучению благочестия». Это библейские книги: «Премудрость Соломона», «Премудрость сына Сирахова», «Эсфирь», «Иудифь», «Товия», а также книги Нового завета: «Учение 12 апостолов» («Дидахе») и «Пастырь Герма», все они носят в основном наставительный морально-этический характер. Этот перечень Священных писаний, принятых церковью, составлял лишь часть «Праздничного послания» 367 г., остальной текст не сохранился, еще меньшие фрагменты праздничных посланий сохранились за последующие 368–373 годы.

Из «Оглавления» к этим посланиям известно, что в 368 г. Афанасий предпринял восстановление сгоревшего Кесариона (в качестве православного храма). В следующем году он начал строить церковь в Мендидии, сооружение было закончено в 370 г., в том же году церковь была освящена и получила его имя. Это последний акт Афанасия в пользу своей епархии, засвидетельствованный источниками, – в 373 г. он скончался.

ATHANASIUS OF ALEXANDRIA AND HIS EPARCHY

A.I. Pavlovskaya

The author attempts a comprehensive survey of Athanasius' life and works (chiefly in connection with his own eparchy) based both on the historical sources and vast papyrological evidence of the epoch: Fayum papyri from the archives of Isidoros and Sakaon, as well as the letters by Christians published by Naldini (Firenze, 1968) enable the author to show the growing influence of Christian Church in Egyptian chora. Some papyri from the archive of Abinnaïos (e.g. letters by *apa Mios*) are of special interest for the history of Arianism in this region.

Analysing the circumstances of Athanasius' third exile, the author shows that the bishop's popularity was strengthened by his opposition to Arian Church elite, as well as by his tolerance and postoral care. Further survey describes Athanasius' pastoral, literary and polemic activity in the later period of his life.